

Православная Свято-Петровская школа

Пройденный путь

1992 – 2012

«ТРАДИЦИОННАЯ ГИМНАЗИЯ»

СВЯТЫЙ МУЧЕНИКЪ АРХИДИАКОНЪ

ЛАВ
РЕН
ТИЙ

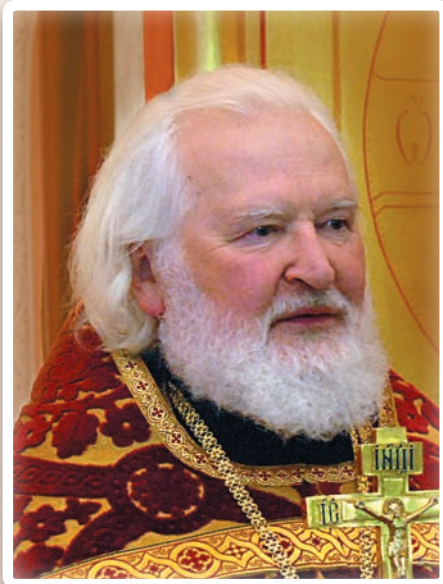

СВЯТЫЙ СВЯТЫЙ

МИТРО ПЕТРЪ

НЕ ОУВЕНТЕ
СА О УВЕНЕ
ЮЩИХЪ
ТЬЛО ДУ
ШНЪ ЖЕ
НЕ МО
ГУЩИХЪ
ОУВЕНТИ

**Председатель
Попечительского совета
и духовник школы
протоиерей
Владимир Воробьев**

Каждый год приносит и трудное, и радостное. Этот учебный год отмечен празднованием двадцатилетия официального существования школы как юридического лица, хотя на самом деле наша школа по крайней мере на десять лет старше.

10 октября исполняется семьдесят пять лет со дня мученической кончины покровителя нашей школы святого митрополита Петра Крутицкого. Это для нас особенный день.

Оборачиваясь назад, вспоминая историю нашей школы, думаю, все мы должны благодарить Бога за это особенное время в нашей жизни. Особенное не только для выпускников, но и для преподавателей, для администрации, для священников, которые здесь трудились.

Это время нового делания, потому что в течение долгого периода советской власти Русская Церковь не имела права заниматься педагогической, воспитательной работой. Нам пришлось многое открывать для себя заново. Нужно благодарить Бога за дарованную нам возможность послужить Богу, нашим детям и друг другу, за любовь, которая в этой школе расцвела. Мы видим, как из маленьких детей вырастают хорошие, добрые люди. Как, употребляя полученные знания, в соответствии с христианскими нормами они строят свою жизнь, создают новые семьи и уже своих детей снова приводят к нам в школу. Мы можем наблюдать уже несколько поколений наших учеников – это, конечно, очень утешительно, радостно – видеть добрые плоды общих трудов.

Благодарное сердце – благоприятная почва для возвращения благодатных Божиих даров. Благодарное сердце способно принять новые дары, и Господь щедро наделяет благодарных людей духовным богатством. А сердце неблагодарное закрыто для благодати Божией и часто теряет даже то, что имеет. Наша главная служба – Евхаристия – означает именно благодарение. И мы в нашей школе имеем счастье регулярно совершать Божественную Евхаристию и благодарить.

Дай Бог, чтобы благодарение оставалось навсегда в наших сердцах, чтобы мы жили с благодарностью к Богу за то, что имеем. Это замечательно выражено в предсмертных словах святителя Иоанна Златоуста: «Слава Богу за все!»

Желаю всем благодатной радости, любви к Богу и Церкви, любви друг к другу, усердия в трудах, в преподавании, в учении, утешения в скорбях, которые неизбежны в нашей жизни, и победы над всем темным, греховным и злым, что окружает нас и нередко искушает наше сердце. Будем надеяться, что с помощью Божией мы одержим духовную победу и сердца наши будут наполнены благодатью Божией, светом радости и добром.

**Директор Православной
Свято-Петровской школы
иерей Андрей Постернак**

Юбилей – время подведения итогов, и очевидно, что наша школа за свою 20-летнюю историю состоялась. История была непростой, но радостной, потому что люди, которые делали общее дело, знали, ради чего они трудятся, понимали, что их труд не напрасен, имеет глубокий смысл и когда-нибудь принесет свои плоды. Низкий поклон всем основателям и первым труженикам этой замечательной школы: Игорю Владимовичу Артамкину, Владимиру Павловичу Сухову, первым учителям и самое главное – отцу Владимиру Воробьеву, без усилий и молитвенной помощи которого

это дело не имело бы будущего. То, что школа живет, – это великая милость Божия и утешение, слезы печали и радости уже не одного поколения самоотверженных людей, которым хочется выразить глубокую благодарность и уверенность, что их дело, благодаря заложенным традициям, будет процветать и в будущем, так как сила Божия в немощи человеческой совершается.

Вступление

Наша школа открылась в 1992 году, 14 сентября. В этот день в ветхом Троицком домике, во дворе Троицкого храма на Пятницкой улице, был отслужен молебен. Отец Владимир Воробьев сказал напутственное слово – и началась наша официальная история. Неофициальная началась на несколько лет раньше, когда в школе № 91 при Академии педагогических наук постепенно стали собираться верующие ученики и учителя из нескольких приходов. Приходы эти впоследствии стали Братством во Имя Всемилостивого Спаса. Председатель Братства, профессор

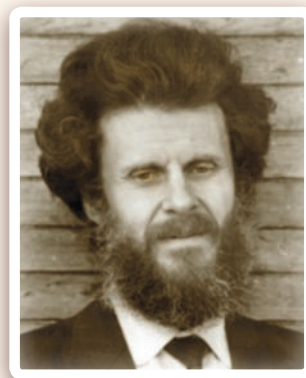
Николай Евгеньевич Емельянов, начинавший в свое время «собрание сил» в недрах советской школы, где терпимо относились к детям из православных семей, предложил однажды к возрасту нашей школы прибавлять еще 5 лет ее «неофициальной» истории. И так, в этом году школе исполнилось 20 лет – или 25, если помнить завет Николая Евгеньевича и не сбрасывать со счетов ее первых, «подпольных» лет. В начале 90-х годов XX века было открыто множество частных школ, в том числе и православных. Жизнеспособными среди них оказались единицы. Создание школы, как и вообще работу педагогов, часто сравнивают с трудом садовника. Вот посажен

тоненький слабый саженец. Приживется ли он? Сможет ли вырасти в могучее дерево, которому по силам выдержать и бури, и невзгоды? Какие плоды принесет?

За прошедшие годы наша школа несколько раз сменила адрес. Из Троицких домиков и аудиторий при храме царевича Дмитрия в Первой градской больнице мы переехали сначала в музыкальную школу № 3 имени Н. Я. Мясковского (1993 год), а затем в свое здание в Тессинском переулке (1998 год). Сменила школа и название: до 2010 года она назвалась Традиционная гимназия, теперь же носит имя святого, в честь которого освящен школьный храм, – священномученика митрополита Петра (Полянского). Новое ее название – Православная Свято-Петровская Школа.

Первый директор, Игорь Вадимович Артамкин (доктор физико-математических наук, в настоящее время – замдекана математического факультета ГУ-ВШЭ, профессор), руководил Традиционной гимназией с 1992 по 2001 год. На посту директора его сменил священник Андрей Постернак, который руководит школой и в настоящее время.

С самого начала у нас были все классы – с первого до выпускного (лишь 6 класс набрали на год позже), и за 20 лет своего «автономного» существования школа осуществила 20 выпусков. Все они прожили в ее стенах свою историю – кто-то короткую, а большинство – обычную, десятилетнюю, но для всех годы, проведенные в нашей школе, – это целая эпоха в жизни. Каждый выпуск мог бы, наверно, создать о своей школьной жизни отдельную повесть, и в чем-то эти повести были бы очень разными, потому что не бывает двух одинаковых классов, но в чем-то все они несли бы особую печать той единственной и неповторимой школы, где им пришлось учиться. И, вероятно, мы смогли бы увидеть в этих повестях черты нескольких внутренних эпох, через которые прошла Традиционная гимназия – Свято-Петровская школа.

Таких эпох условно можно выделить пять:

- эпоха «собрания сил» (в школе № 91) – до 1992;
- эпоха создания (в Троицких домиках) – 1992–93;
- эпоха становления (в музыкальной школе № 3) – 1993–98;
- эпоха «расширения Вселенной» (первые годы в своем здании) – 1998–2008;
- эпоха выпускников – с 2008 по настоящее время.

Каждая из них имеет свои особенности, свое лицо, которое мы и попробуем изобразить в кратких очерках.

Эпоха собирания сил

Назвать точную дату зарождения нашей «Традиционной гимназии» в недрах школы № 91, наверно, невозможно. Н. Е. Емельянов обозначил несколько вех. *«До 1990 года положение православных родителей было очень сложным. Какую школу выбрать? Где найти преподавателей, которые не будут травить православных детей? Как сделать так, чтобы в классе с твоим ребенком был хотя бы еще один верующий ученик, не говоря уже о верующих преподавателях?»* – вспоминает Н. Е. Емельянов. В 1981 году в эту экспериментальную школу при Российской Академии Образования поступила старшая дочь отца Владимира Воробьева Катя, тогда же в нее перешли два сына самого Николая Евгеньевича. Эту школу выбрала мама о. Владимира Евгения Павловна, сама замечательный педагог, всю жизнь преподававшая русскую литературу. Поступить в экспериментальную школу могли дети из разных районов Москвы, но это было непросто.

В 1982 году был сформирован первый Братский класс, в который поступили дети священников будущего Братства – иереев Димитрия Смирнова, Аркадия Шатова, будущего о. Александра Ильяшенко и Н. Е. Емельянова.

Деятельность православных учителей началась примерно в 1988 году – тысячелетия Крещения Руси, о котором впервые за советские годы было официально сказано вслух как об истоке самобытной русской культуры. Это давало возможность создавать экспериментальные курсы, в которых изучались бы элементы древнерусской культуры: жития, летописи, иконы, храмовая архитектура. Одним из таких курсов стала программа по литературе, по которой и теперь учатся ученики 5–8 классов нашей школы. Тогда же была начата работа над учебными хрестоматиями к этой программе.

Другая форма работы православных преподавателей, собранных в 91-й школе, получила название «Кружковая школа дополнительного образования». Занятия в ней вели искусствоведы из Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева, художники и знатоки ремесел: вышивки, керамики, росписи по дереву. Директором Кружковой школы был назначен Н. Е. Емельянов, завучем – молодой учитель ИЗО Алексей Николаевич Куракин. Председателем родительского комитета школы в те годы стал о. Александр Ильяшенко – тогда еще не священник, а ученый-физик.

В нашей школе и до сих пор работают учителя, собравшиеся как «участники эксперимента» еще до открытия Традиционной гимназии, в 1988–91 гг. Это А. А. Бородин, Н. С. Николаева, М. Н. Прохоров, Н. А. Соловьева, О. В. Смирнова и М. М. Сушкина.

В первые годы после открытия Традиционной гимназии в ней преподавали и другие члены той команды: математик И. В. Артамкин – первый директор Традиционной гимназии, словесники К. С. Александрова и О. Л. Стриевская, физик А. Л. Струченко, А. Н. Куракин – преподаватель ИЗО и Ю. Н. Куракин – историк. Отдельно надо сказать о Ю. И. Клушиной. В 91-й школе она преподавала химию и считалась, несмотря на молодость, одним из самых грозных и суровых педагогов. Команда, собранная Н. Е. Емельяновым, оказалась настолько близкой ей по духу, что Юлия Игоревна воцерковилась и вместе с другими православными учителями ушла из надежной школы при РАО в Традиционную гимназию, у которой не было ни помещения, ни серьезного финансирования, ни государственной лицензии... Ю. И. Клушина преподавала у нас сначала химию, а позже, получив второе высшее образование, – английский язык. В данное время Юлия Игоревна – преподаватель ПСТГУ.

На такой же смелый шаг решились две ученицы выпускного класса – Надя Куценко и Наташа Хохлова. Они перешли в только что открывшуюся школу вместе со своими одноклассниками – Сашей Артамкиной, Колей Воробьевым и Настей Головиной, – рискуя остаться без аттестата о среднем образовании: так полюбили им уже сложившаяся в недрах 91-й школы будущая ТГ.

Пришел за нами в Троицкие домики и один выпускник 91-й школы – Алеша Пигарёв. Для наших школьников он стал «человеком-колокольчиком»: его задачей было давать звонки, что делалось в первые годы по старинке, вручную. Но это было уже позже.

О том, как жила в недрах 91-й школы православная община, вспоминает Ольга Львовна Стриевская (Калужнина):

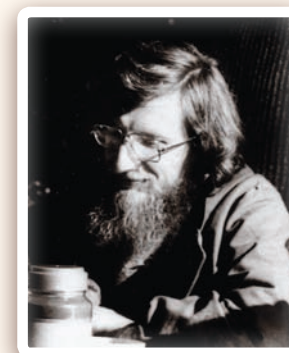
«В 91 школу я пришла в 1990 году, сразу после окончания Московского Университета. Сначала мне пришлось вести кружок вышивки. Нашей задачей тогда было внедрить в школу как можно больше верующих людей, которые смогли бы на своих занятиях говорить с детьми о вере. Этой цели служил даже клуб любителей классической музыки. Первым учителем, который пришел

преподавать в 91 школу, был Алексей Николаевич Куракин. И он оказался тем каналом, через который мы все туда проникали. Алексей Куракин – удивительный человек: на свой страх и риск он начал в 91-й школе ремонт и разделил некоторые аудитории пополам, для того чтобы уменьшить количество детей в классах и иметь предлог ввести в школу новых учителей.

Представляю себе удивление нашего директора, когда руководитель кружка вышивки вдруг оказывается выпускником филологического факультета МГУ и предлагает взять нагрузку по русскому языку и литературе, когда учительница, которая начинала вести экспериментальный курс литературы, ушла в декретный отпуск. Подставить свое плечо мне пришлось прямо посередине второй четверти. Как сейчас помню, выходила я на работу 4 декабря, на праздник Введения во Храм Пресвятой Богородицы. Никакого педагогического образования у меня не было, поэтому я чувствовала себя как котенок, брошенный в воду. Помню очень строгое наставление мне о. Владимира: чтобы дети даже не знали, что ты умеешь улыбаться; что бы ни произошло, не теряйся, даже если к тебе на урок приведут козла (это он сказал, так как незадолго до того Ксении Алексеевне Александровой дети принесли на урок голубя). Я очень боялась первой встречи с учениками. Но я знала, что у меня будут учиться несколько детей из нашего прихода, которые и станут мне опорой и поддержкой. В моем первом классе учились Митя Артамкин, Ваня Воробьев, Сашенька Макеева, Саша Шатова. И я их доброе расположение и готовность всегда поддержать меня очень чувствовала. Помню свою первую встречу в учительской с Оксаной Вениаминовной Смирновой. Я тогда еще не знала, что это тоже «наш человек», но по всему – по тихой, ласковой улыбке, по готовности сразу же откликнуться на твой призыв о помощи – видно было, что это человек нашего круга. Заранее нас не познакомили – ради конспирации. Ведь для простых учителей 91 школы мы не должны были показывать, что знаем друг друга, иначе никого не взяли бы на работу. Только потом, после уроков, когда школа пустела, мы потихоньку стекались в кабинет Алексея Николаевича Куракина, где проходили наши встречи по кружковой школе...».

Когда же школьное начальство грозило А. Н. Куракину карами вплоть до увольнения, он спокойно отвечал: «Нет, вы не можете меня уволить. У меня очень высокие покровители», – имея в виду покровителей Небесных. И кары отступали.

Эпоха создания

Решение начать самостоятельную жизнь естественно созрело в той «малой» школе, что сформировалась за несколько лет общей работы. И в то же время оно стало следствием больших исторических перемен, происходивших в стране в начале 90-х годов XX века. Церковь получила право на легальную деятельность – в том числе образовательную.

И ученики, и учителя «малой школы», сложившейся в недрах 91-й, чувствовали необходимость выйти из подполья и начать новую, открытую жизнь. Жизнь, основанную на вере, которая должна пронизывать весь уклад православной школы, от молитвы перед началом и концом уроков до отношения к учебе как служению.

Мало кто из тех, кто приступил к созданию Традиционной гимназии, имел представление о том, что значит – открыть школу. Сколько задач необходимо будет решить, сколько условий выполнить, чтобы школа стала полноценным, признанным

официально учреждением. И даже просто для того, чтобы она смогла осуществлять свое прямое назначение – учить и воспитывать детей. А ведь прежде чем открыть школу, необходимо было в первую очередь собрать коллектив православных учителей – или людей, которые могли бы стать учителями.

О том, как это происходило, рассказывает первый директор Традиционной гимназии Игорь Вадимович Артамкин.

Как подбирали учителей? На этот вопрос ответить, пожалуй, проще всего: учителя подбирались сами. Дело, которое мы тогда начали, со стороны выглядело совершенно безумным. Да, в общем, таким оно и было на самом деле: организовывать в эпоху становления «рыночной экономики» негосударственную (то есть частную) школу для детей не особо обеспеченных родителей, не имея при этом в материальном смысле ничего (в том числе, конечно, и ни-

каких финансов) – это, прямо скажем, не самое многообещающее начинание. Когда мы в первый раз пришли в РОНО (или оно тогда уже называлось иначе?) и заполнили какую-то первоначальную анкету для регистрации нашего «Негосударственного Образовательного Учреждения», чиновники попросту отказались нами заниматься: «Мы сейчас потратим на вас уйму времени, заполним кучу документов, заведем регистрационные номера, а через два месяца вы развалитесь!» (Справедливости ради надо заметить, что такие перспективы сулили нам отнюдь не только чиновники.) Готовность всерьез взяться за такое дело была, видимо, самым эффективным критерием отбора.

А как же педагогический профессионализм? Оказалось, что у людей, способных и умеющих идти против течения и при этом готовых в таких условиях взваливать на себя общий груз, да еще и подставлять плечо товарищам, с профессионализмом и педагогикой, как правило, оказывалось все в порядке. Осечек практически не было. Молодые ребята, студентами начинавшие работать в Традиционной гимназии, сейчас являются маститыми учителями в лучших школах Москвы. Конечно, здесь большую роль играл еще один фактор: очень многие приходившие к нам люди сами учились в хороших школах и уже на уровне рефлексивной памяти прекрасно знали, что и как должно быть в школе. Тут действует своего рода естественный отбор: за неблагоприятное дело учительства с готовностью берутся чаще всего те, кого в свое время хорошо учили.

И сейчас, думаю, то же самое верно относительно пришедших преподавать наших выпускников: меняются время, экономика, нравы, установки, программы, но в чем-то самом главном наши ученики будут вольно или невольно работать так, как мы когда-то учили их. И здесь потеря нашей школой первоначального названия уже мало что изменит: традиция живет

своей жизнью, не спрашивая согласия современников. Хотя, конечно, маршрут, пройденный первыми на заре гимназии, – это особая благодать. Такие, как теперь говорят, «проекты» имеют шанс на успех при редчайшем стечении множества разных обстоятельств, и потому действительно осуществляются крайне редко. Оказаться в нужное время в нужном месте – это дар Божий, и только так я умею объяснить произошедшее.

Итак, для школы нужно помещение – ТГ вначале занимала несколько комнат в ветхих домиках. В одном из них протекла крыша, в другом располагалась благотворительная трапезная, в третьем не было двери – ее заменял кусок фанеры, которым закрывался проем между двумя комнатами. Нужны средства – в те трудные годы был и такой случай, когда Братство смогло поддержать учителей ТГ только «гуманитарными» продуктами – рисом, чечевицей, растительным маслом. Нужны учителя по всем предметам, а некоторых специалистов среди людей православных найти было не такто просто – особенно учителей начальной школы и английского языка...

И все же время созидания стало одним из самых радостных и счастливых в истории ТГ. Вся маленькая школьная община, выбегавшая на перемене в церковный двор, чувствовала себя одной семьей. И рассказы о тех первых днях – это слова о чем-то глубоко личном, что почти невозможно передать словами. Вспоминает Александра Игоревна Артамкина (выпуск 1993, замдиректора по воспитательной работе школы с 2008 по 2011 г.):

«Я хорошо помню начало учебы. Это было 14 сентября – к 1 сентября еще не все было готово, и мы с гордостью говорили, что начинаем учиться «1 сентября по старому стилю». Все мы – священники,

учителя, ученики, родители и еще многие, кто вместе с нами радовался открытию гимназии, – собрались на молебен в небольшой комнате Троицкого домика. Эта комната служила нам потом и учебным кабинетом, и трапезной, и актовым залом. С одной стороны, все были очень радостны, с другой – очень серьезны. Мы все знали, что в гимназии должны учиться как следует, что теперь невозможна никакая халтура. И это тоже было радостно...

Мы любили перед завтраком, пока дежурный класс накрывает на стол, добежать до храма, узнать, какой момент службы, иногда подойти к кресту или съесть просфорку – было очень необычно, что храм настолько рядом, и мы хотели это непременно использовать.

Что особенно ценно для меня в той, первоначальной гимназии?.. Я думаю, что это единство. Вся гимназия жила тогда общей, единой жизнью, разделяя на всех радости и печали. Учителя, родители и дети под руководством духовников делали одно большое общее дело, и каждый старался в меру своих сил поучаствовать в этом деле и сделать по совести все, что он может. Это была непрерывная радость общения, которая распространялась на взрослых и на детей, часто не делая между ними различия.

Никогда, наверно, не забуду первый в истории гимназии первый снег. Он сразу повалил хлопьями, и во дворе стало все белое, а снег продолжал падать и падать. Как только раздался звонок на перемену, вся гимназия, от первоклассников до учителей, высыпала на улицу, и что здесь началось, я не берусь описать. Но для всех, кто там оказался, это был общий праздник».

Рассказывает иерей Иван Воробьев (выпуск 1996, замдиректора по воспитательной работе):

«... Вспоминается первый день учебы (14 сентября 1992 года): как я познакомился со Славиком Ерохиным и он мне на первый взгляд не очень понравился. Федя Обухов в пиджаке с хлястиком, который оторвали в первый же день, белые лакированные ботинки Жени Мурзина. Потом были склад гуманитарной помощи до сводов в Троицком храме, Алеша Пигарев – «дядя-колокольчик», картошка в соседней комнате с нашим классом, дядя Костя Писнячевский, огнетушители, прицеп во дворе Библейского общества, директор училища в соседнем здании, который приходил ругать нас из-за футбола под его окнами, Володя Фисейский, подвешенный за хлястик на воротах «Православного слова», пирамиды из табуреток в столовой... Для тех, кто тогда не учился, этот перечень ничего не скажет, зато для нас (тех, кто учился в Троицком доме и музыкальной школе) за этим стоит целая лавина воспоминаний, целая жизнь. Спасибо, дорогая школа и дорогие учителя, за те прекрасные годы».

Воспоминания отца Ивана уже и в самом деле требуют комментария. Впоследствии Ваня Воробьев и Славик Ерохин станут неразлучными друзьями; прицеп мальчишки катали по двору – это было их своеобразное развлечение. Ботинки Жени Мурзина стали белыми и лаковыми после того, как на них вылилась банка белой краски, которую ребята перекачивали из одного помещения в другое. В забавах с огнетушителями отличился Борис Лосиков – тогда ученик 10-го класса. Володя Фисейский, третьеклассник, был подвешен за хлястик, потому что мешал старшим ребятам играть в футбол. Эта история имела очень громкий резонанс: все были возмущены тем, что старшие ученики православной гимназии оказались способны обидеть младшего, их поступок обсуждал не только педсовет гимназии,

но и совет священников. «Дядя Костя» (Константин Владимирович) Писнячевский отвечал за инженерное обслуживание зданий, куда вселилась только что созданная гимназия, и ему приходилось воевать с чересчур буйными забавами мальчишек. Он, вероятно, разделял мнение, высказанное о. Иваном много лет спустя: «Слава Богу, что мы только полгода проучились в Троицком домике, иначе он был бы разрушен окончательно». И это при том, что самые бойкие классы – 5 и 7 – располагались в первое время в Больничном храме, у отца Аркадия Шатова. И без того крыша над нами временами протекала и держалась на доске-подпорке, электричество отключалось, дверь домика как-то раз примерзла, и ее пришлось отливать кипятком, а обитатели соседних домиков негодовали. Но все-таки первое Рождество в истории школы мы отпраздновали в этих стенах.

Жизнь при Больничном храме – это особая страница в нашей истории. О ней вспоминает Анна Александровна Бородина, которая в тот первый год совмещала работу в гимназии с преподаванием в 91-й школе, где у нее оставался еще не выпущенный класс.

«Преподавать мне выпало в 5-м и 7-м классах, места для которых в Троицком домике не нашлось. Мы уже решили, что учиться они будут у нас дома (все-таки пятикомнатная кварти-

ра...), я даже рисовала план, как к нам добираться. К счастью и для меня, и для детей, отец Аркадий вовремя узнал об этих планах и пригласил два класса учиться при Первой Градской.

Поначалу мы учились на третьем этаже. Пятый класс сидел в кабинете, в котором за решёткой стояли компьютеры. Седьмой в кабинете напротив, где была библиотека. На одной из перемен сестры нас кормили – и это было прекрасно. Помню, как строго они следили за тем, чтобы дети доедали всё, что положили на тарелку. Я была классным руководителем пятого, а в седьмом был отец Василий Секачёв – тогда Василий Романович. С Игорем Вадимовичем мы созванивались почти каждый вечер, обсуждали происходящее.

Как-то раз я заболела. Меня не было целый день, а вечером я узнала, что после каких-то детских шалостей учителя-мужчины решили, что гимназиям не хватает физкультуры и что она нужна каждый день. Каждый день на большой перемене мы выходили на улицу, добежали до спортплощадки, разминались, играли. Каждый день мы видели небо и деревья, знали, какая стоит погода... Помню «вышибалы» на свежей майской траве среди жёлтых одуванчиков...

Хоть мне и очень тоскливо было без остальной школы, страшно временами без начальства, – а всё-таки хорошее было время...»

Из тех учителей, кто пришел в Традиционную гимназию в 1992 году, по-прежнему работают здесь Ю. В. Ерохина, Е. В. Кулинская, Е. Н. Размадзе, А. А. Прохорова. За начальную школу со дня открытия и до 2001 года отвечала Н. С. Николаева. В те самые первые годы с учителями регулярно встречался о. Владимир и наставлял в новом и трудном деле; вместе с ним решались многие вопросы и начинались традиции, например – общая молитва.

Наше пребывание в Троицких домиках закончилось драматически. «В одно прекрасное утро пришел пожарник, – вспоминает А. И. Артамкина, – и опечатал здание как находящееся в аварийном состоянии, а мы оказались выброшенными на улицу. Кажется, в тот же день отец Аркадий поехал к Мариэтте Таджатовне Чалдранян, директору музыкальной школы № 3, в которой учились тогда многие гимназисты, и она согласилась нас пустить на один этаж. Так началась эпоха жизни гимназии в музыкальной школе, которая закончилась лишь с переездом в новое здание в Тессинском переулке».

Эпоха становления

Жить дольше в аварийных домиках юной школе было не только опасно, но и бесперспективно с точки зрения ее дальнейшей судьбы. У школы не было официальной лицензии – права на существование, а чтобы ее получить, необходимо было находиться в условиях, которые все-таки приспособлены для обучения детей. Музыкальная школа предоставила Традиционной гимназии внешние условия для лицензирования. Мы получили лицензию на образовательную деятельность, но еще не имели права выдавать аттестаты о среднем образовании. Для этого школа должна пройти аккредитацию, предъявив результаты нескольких выпусков, прошедших через экстернат.

Первый выпуск получил аттестаты уникальным образом, совсем не так, как это следовало бы сделать по строгим правилам. Одна из открывшихся в те годы православных школ – Культурно-экологический лицей (созданный прихожанами Покровского храма в Отрадном по благословению о. Валериана Кречетова) – сумела почти сразу оформить свой официальный статус и протянула нам руку помощи. Пятеро наших одиннадцатиклассников числились учениками этого лицея и сдали выпускные экзамены в его стенах. Уже на следующий год нам представился случай отплатить добром за добро. Проработав чуть более двух лет, лицей прекратил свое существование. Ребята из его выпускного класса уже не номинально, а по-настоящему сели за парты в ТГ и вместе с нашими учениками получали аттестаты о среднем образовании.

Экзамены, которые сдавали второй выпуск и 9 класс весной 1994 года, – это героическая страница нашей истории. В Москве существует несколько школ, в ко-

торых можно сдать экзамены экстерном. В одной из них 11-й и 9-й класс должны были сдавать экзамены по всем предметам школьной программы – в чужих стенах, незнакомой комиссии. Во многом благодаря подвигу этих классов наша школа вскоре получила официальную аккредитацию. Вспоминает Нина Афанасьевна Соловьева, замдиректора по учебной работе Традиционной гимназии с ее открытия и до 2003 года:

«По мнению большинства тогдашних учителей и учеников ТГ, Троицкий домик – самое благословенное время нашей деятельности, но нам запретили там заниматься пожарники. Да и трудно представить себе менее приспособленное для учебы помещение. Запретили – и уезжайте, куда хотите, а уез-

жать было некуда. До сих пор с благодарностью вспоминаем мы директора музыкальной школы № 3, Мариэтту Таджатовну, которая пять с лишним лет нас терпела и защищала перед своими педагогами. Можно представить себе, как выглядели наши дети в пустых и торжественных коридорах, где из-за каждой двери слышна музыка. Ну а дальше все было как в сказке про зайчика и лисичку: сначала нам отдали несколько кабинетов, потом нам потребовался весь этаж, трапезная, помещение для библиотеки и медицинского кабинета, и все это мы получили. А для оформления официального статуса нашей школы все эти помещения были необходимы...

Мы смогли уже там, в музыкальной школе, оформить лицензирование и аккредитацию школы. Но пока мы не имели государственной аккредитации, наши дети по тогдашним правилам должны были сдавать выпускные экзамены в школе-экстернате по всем(!) предметам. Так было только в 93–94 годах, потом московское руководство ввело новые правила, но эти экзамены забыть невозможно. Современным школьникам трудно себе представить, как можно в 11 классе, при активной подготовке в вуз, сдать 11 выпускных устных экзаменов по билетам с комиссией из учителей другой школы (нам разрешалось только присутствовать). А 9 класс, в котором тогда учились наши будущие учителя о. Иоанн Воробьев, Александр Андреевич Белов, Дмитрий Игоревич Артамкин, Александра Александровна Макеева (Артамкина), сдавал 12 экзаменов через день. Надо сказать, что принимали экзамены достаточно строго, но без придирок. Господь послал нам хороших людей, понимающих, что детям такая нагрузка непосильна. Но ведь эти выпускники не только справились с непосильной задачей, но и вывели нашу школу на очень хороший уровень.

Тогда наши выпускники получали аттестаты в той же школе-экстернате, а спустя три года мы могли уже претендовать на право выдачи аттестатов государственного образца и на государственное финансирование. Прежде у нас его не было, и я до сих пор не представляю, как мы выжили без этих денег. Вот тогда к нам потянулись комиссия за комиссией, вот тогда нам и пришлось показать все оборудованные под учебный процесс помещения. Теперь уже дети писали контрольные и тесты в школе, но в присутствии комиссии и опять по всем предметам. Мы были в состоянии постоянных проверок и в середине учебного года, и на выпускных экзаменах. Ко мне на экзамен по химии проверяющие приходили три года подряд, не считая промежуточных проверок. Это напряжение не давало нам расслабиться, и наша школа имела очень хорошие показатели по большинству предметов, тем самым завоевав себе имя и авторитет среди негосударственных школ Москвы.

Конечно, была не только учеба, были праздники, слеты, походы и поездки, была насыщенная детская жизнь, и большинство традиций сложилось именно тогда. Думаю, что выпускники тех лет не помнят учебных трудностей, а помнят, как дружно и весело мы жили в музыкальной школе. Слава Богу, что теперь мы имеем свое здание, но и музыкальной школе мы очень благодарны за прекрасные и трудные годы становления».

Учебные успехи наших школьников кому-то могут показаться скромными. Нет, мы не выбились в десятку лучших школ Москвы, не конкурировали на олимпиадах с учениками «профильных» школ. Мы стали просто хорошей школой, выпускники которой, прилагая соответствующий труд, поступали в выбранные ими вузы. В те годы произошло осознание реальных задач и целей нашей школы.

Многие родители наших учеников и преподаватели росли в семьях, где было не больше трех детей, и заканчивали элитарные школы – физико-математические и языковые, набор в которые проводится на конкурсной основе. Наши же ученики в большинстве своем растут в многодетных семьях. Им трудно конкурировать с единственными чадами благополучных и богатых родителей. Значит, наша задача – помочь семьям дать каждому ребенку достойное образование, восстановить пробелы в знаниях (иногда совершенно чудовищные), компенсировать по возможности недостаток внимания с помощью индивидуальных занятий... Надо учитывать и то, что набор детей в гимназию никогда не был основан на конкурсе способностей или даже просто общего развития. И те вступительные работы, ко-

торые обязательно писали поступающие в гимназию, чаще всего становились исходным материалом для составления плана индивидуальных занятий.

Из учителей, по сей день работающих в нашей школе, в тот период пришли о. Андрей Близнюк (тогда Андрей Владимирович, только что приехавший с Соловков), о. Андрей Постернак, М. Э. Коцот, Е. В. Виноградова.

За годы, проведенные на «музыкальном» этаже, школа не только заработала прочную репутацию в глазах Департамента образования, но и обрела свое неповторимое лицо. В этот период нашей жизни сложилось несколько традиций, которые сыграли важную роль в формировании внутреннего уклада школы.

Эра школьных походов

Условия музыкальной школы были гораздо более комфортными, чем в Троицких домиках, но все же для нормального «учебного процесса» и там многого не хватало. В первую очередь – помещения для уроков физкультуры. На нашем этаже, кроме учебных классов, имелся роскошный коридор. В нем занималась физкультурой и хореографией начальная школа. Для всех остальных необходимо было придумать какую-то разумную альтернативу. Отчасти выручал нас сад Эрмитаж, отделенный от музыкальной школы всего лишь кирпичной стеной. О. Иван Воробьев вспоминает: *«Рядом со школой через стену был парк Эрмитаж, а в парке – большой газон, который мы оборудовали под футбольное поле и на каждой большой перемене и после уроков играли в футбол. Потом мы проломали стену (сначала через нее перелезали), и путь к газону упростился. Директор*

музыкальной школы, наверно, очень пожалела, чтопустила нас в здание, так как урон мы наносили серьезный». Преподавателя физкультуры в то время в школе не было. В футбол с ребятами часто играл А. В. Близнюк, еще не бывший ни священником, ни даже диаконом. Несколько лет А. А. Бородина и К. В. Яночкин возили детей в бассейн на Новослободской улице – такой вариант занятий придумал директор гимназии И. В. Артамкин. Другой альтернативой регулярной физкультуре стали школьные поездки и походы. Всю зиму, как только ложился снег, почти в каждые выходные происходили лыжные вылазки. Они не были обязательными, но в них с радостью принимали участие многие школьники.

В организации походов нагрузка главным образом ложилась на плечи молодых учителей. Постоянными их организаторами были Д. А. Ветюков (учитель физики)

и К. В. Яночкин (учитель математики). Участвовали в этих слетах и походах и будущий директор, а тогда учитель истории А. В. Постернак, В. В. Кружалов (тоже историк), А. Л. Струченко (учитель физики), Д. М. Шамаев (учитель математики).

В те годы слеты были по-настоящему общешкольными: в них участвовали и старшеклассники, и ученики средней школы. Слет проходил в два дня, обычно

это были пятница и суббота. В основе программы лежало спортивное ориентирование (умение работать с компасом и картой), к которому добавлялся элемент игры и соревнования. В пятницу после уроков выезжали старшеклассники. Прибыв на место, они несколькими группами шли прокладывать маршруты для младших классов. В каждой группе обязательно был кто-нибудь старший (учитель или студент-волонтер) и несколько школьников. Они размечали маршрут, оставляя на нем загадочные картинки-подсказки, зарывая «клады» и т. п. Отдельная группа ставила лагерь и готовила для всех ужин. Вечером у костра вернувшиеся «с маршрута» составляли его описание для тех, кто на следующий день пройдет его по карте. Пели, разговаривали, смеялись... Наутро шли встречать среднюю школу, которая с азартом мчалась по лесу, откапывала «клады», собирала контрольные карточки, потом обедала и участвовала в конкурсах, приготовленных на лагерной поляне, просто играла в мяч или в другие игры.

Не обходилось, конечно, без трудностей и осложнений. Всем запомнился слет, названный «мокрым»: вечер прошел прекрасно, но утром хлынул дождь. Старшеклассники полагали, что средняя школа останется дома: какие же родители отпустят детей в лес в такую погоду? На всякий случай двое взрослых с парой «маршрутных листов» все-таки вышли встретить условленную электричку на станцию Усово. Каково же

было их изумление, когда из вагонов с веселыми криками высыпала огромная толпа детей с классными руководителями во главе. Родители сочли, что дождь – это не повод отменить выезд на природу. Пришлось вести приехавших по двум маршрутам, а потом сушить и кормить их у спешно разведенных больших костров...

Каждая такая вылазка зримым образом прибавляла нашим городским детям здоровья, ловкости, работоспособности. Не говоря уже о том, что слеты помогали школе оставаться одной большой семьей, где старшие заботятся о младших и все между собой

знакомы. И ребята раскрывались в этих поездках с необычной стороны, которая не видна в школе: *«Разделились на группы и по карте и компасу должны были куда-то дойти; помню, в нашей группе был Дмитрий Алексеевич Пономаренко, я, Паша Шкабурин и кто-то еще. Паша ночью в потемках достал флейту, о которой никто ничего не знал, и играл по дороге к лагерю что-то неверо-*

ятно красивое», – вспоминает выпускница 2002 г. Аня Гетманова (Яночкина).

Кроме чисто оздоровительных и спортивных вылазок бывали у нас поездки особого рода. Их организовывал Кирилл Владимирович Яночкин для тех, кто интересовался историей русских городов. Они так и назывались – «Клуб любителей малых городов России». Это были обычно однодневные поездки в старые города или усадьбы, расположенные недалеко от Москвы.

«По усадьбам ездили в воскресенье после ранней службы, досыпали в утренней электричке, – свидетельствует Аня Гетманова. – Потом мы долго бродили по развалинам. Разглядывали детали, обсуждали, радовались находкам (фрагментам дубового паркета, разрушенной изразцовой печи или старой лепнине на обвалившемся потолке) и печалились о запустении этих немых свидетелей событий последних веков. Обязательно гуляли по паркам, Кирилл Владимирович «находил» в зарослях бывшие аллеи, учил отличать регулярный парк от пейзажного...» Иногда в поездке краеведение соединялось с серьезной физической нагрузкой. *«Была невероятная переправа через реку вброд с рюкзаками над головой к деревянной церкви, стоящей на холме внутри речной петли. Промокли все по пояс, но были счастливы. Шли пешком километров 20, кажется»*, – так вспоминает Аня о походе двух классов из Малоярославца в Боровск в мае 1999 года.

Зимний лагерь

О летнем лагере в Богослово, куда каждое лето ездили и продолжают ездить многие наши ученики и выпускники, существует множество ярких свидетельств – и в прозе, и в стихах, и в фотографиях, и в кинохронике. О зимних лагерях сейчас известно только тем, кто побывал в них в годы, когда это был именно школьный, а не сугубо семейный лагерь, каким он стал в последнее время. Это был еще один «альтернативный» способ поддерживать здоровье и работоспособность наших гимназистов. Лагерь располагался сначала в доме отдыха «Лесное» недалеко от летней лагерной поляны, под Борисоглебском; позже он перебрался ближе

к Троице-Сергиевой лавре, в дом отдыха «Огонек». Оттуда можно было ездить на монастырские службы.

Особенностью этих зимних лагерей было то, что в них продолжалась школьная жизнь: обычно выезжали целые классы во главе с классными руководителями, готовились специальные программы. Первая половина дня посвящалась активному отдыху на воздухе – главным образом лыжным прогулкам и даже небольшим походам, в том числе – к знаменитому незамерзающему водопаду Гремячий, где лыжники смело вставали под ледяные струи воды. Вечером – конкурсы, концер-

ты, литературные программы, импровизированные театральные постановки. Под старый Новый год бессменный Дед Мороз Павел Валерьевич Растатуев вручал подарки. Случалось, что совсем маленькие детки из находившегося тут же, в соседнем корпусе, семейного лагеря не узнавали его и относились к незнакомцу в белой бороде с большой опаской.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЪ

Школьные праздники

Второй раз гимназия праздновала Рождество уже в здании музыкальной школы. Гвоздем этой программы был спектакль в постановке Татьяны Ивановны Королевой – отрывки из «Ревизора». Чтобы его увидеть, собрался чуть ли не весь приход Николо-Кузнецкого храма, не говоря уже о школьниках и других гостях. Спектакль был великолепен, но директор музыкальной школы пришла в ужас от такого наплыва зрителей.

Пришлось признать, что вся школа одновременно праздновать Рождество в музыкальной школе не сможет. Праздник разделили на три части. Первыми

праздновали начальные классы – обычно вечером 8 января. На эту ёлку приводили младших братьев и сестер: она была для них понятной и интересной. Утром 9 января проходила ёлка средней школы. Обычно это были небольшие постановки, викторины и разнообразные «бои» (географические, исторические и проч.) пополам с эстафетами и всякими подвижными играми.

Старшая школа собиралась на ёлку вечером 9 января. Несколько лет подряд это были костюмированные праздники, включавшие в себя игры и неболь-

шие спектакли, подготовленные каждым классом, причем все это объединялось общим сценарием – иногда довольно сложным. Однажды это был королевский бал, с которого заговорщики похитили королеву – Нину Афанасьевну Соловьеву. Власть попытался захватить Алексей Игоревич Артамкин (тогда еще школьник, выпуск 1997 г.), но ничего из этого не вышло. Праздники проходили в трапезной на втором этаже, которую старались преобразить до неузнаваемости.

Молитва о здании

Мы проучились в музыкальной школе с весны 1993 до весны 1998 года. И постепенно этаж в просторном старом школьном здании стал нам тесен. Традиционной гимназии все больше требовалось собственное здание, но реальных способов его получить с каждым годом оставалось все меньше. Проблему много лет пытался решить В. П. Сухов – как председатель фонда «Христианская благотворительность и просвещение». А вся школа молилась о даровании нам здания. Эту молитву составил о. Владимир Воробьев, и каждый класс читал ее по утрам, перед началом занятий, в течение нескольких лет. Молитвы о своем здании были своего рода лейтмотивом всей нашей жизни тех лет. Несколько раз казалось, что для нас нашлись подходящие руины – одно из зданий, которые в те годы государство возвращало Церкви, обычно в полуразрушенном и не очень пригодном к эксплуатации виде. Тогда вся школа, возглавляемая священниками, ехала к этим руинам и служила возле них молебен. Больше всего надежд возлагалось на здание богадельни в Шелапутинском переулке. Там сохранились остатки храма Ярославских святых Феодора, Давида

и Константина. Гимназия не только служила молебам возле этого храма, но и ездила в Ярославль поклониться их мощам. Однако до поры надежды оказывались тщетными. Но чудо все-таки произошло.

Вспоминает Нина Афанасьевна Соловьева:
«У Братства было здание богадельни недалеко отсюда, в Шелапутинском переулке, оформленное трудами Владимира Павловича Сухова, которое хотели перестраивать для гимназии. Но на это ушли бы колоссальные затраты, потому что территория там огромная. Владимиру Павловичу удалось найти инвесторов, которые в обмен на те помещения отдали нам детский садик, на месте которого и обещали построить здание гимназии».

Вспоминает иерей Андрей Постернак:

«Владимир Павлович Сухов много помогал отцу Владимиру Воробьеву как председатель фонда «Христианская благотворительность и просвещение». Он добился того, что мэр Москвы Ю. М. Лужков дал несколько распорядительных писем о том, чтобы нам передали здание детского садика, на месте которого сейчас стоит наша школа. Там была довольно сложная история: найти место, найти деньги очень непросто. Но в результате ему удалось, во-первых, добиться разрешения от мэра, а во-вторых, найти инвесторов. Формально это называлось реконструкцией детского садика, но реально это было новое строительство, которое провели очень быстро. Буквально меньше года потребовалось, чтобы перестроить детский сад (это были 1997–98 годы) – при том, что в центре Москвы найти и построить новое здание было практически невозможно. Можно сказать, это первое такое большое здание, построенное для православной школы не только в Москве, но и за её пределами».

У входа в нашу школу висит памятная доска, почти закрытая сплошной стеной декоративного винограда. На ней выбиты следующие слова:

«Сие здание благословением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, тщанием Мэра города Ю. М. Лужкова и Правительства Москвы, усердием АО «НафтаСиб» сооружено во славу Божию в 1998 году».

Следует отметить также имена архитекторов А. Климочкина, Г. Вуймы и С. Попова, по проекту которых выстроено здание. Они тоже помогли свершиться нашему чуду.

Эпоха «расширения Вселенной»

Первые годы в новом здании Перед открытием

За тем, как возводилось здание, вся школа наблюдала затаив дыхание. Вспоминает Павел Каледа (выпускник 2001 г.):

«Как-то незаметно ожидание своего здания стало всеобщим. Была составлена специальная молитва об этом, и мы читали ее каждый день перед уроками. Первая надежда – старые руины в Шелапутинском переулке. Ездили туда всей гимназией на молебен. Но Господь судил иначе... Зато через некоторое время началось строительство нового здания в Тессинском переулке.

Это здание изначально проектировалось для нас. Конечно, архитекторы разместили там и долгожданный спортзал, но главным для нас был храм. Это было ново и интересно. Мечталось о том, что у нас будут послушания

в храме, мы сами будем в нем петь на службах, убираться, чистить подсвечники... Мы устраивали молебны у строящегося здания, молились при установке креста на купол... И вот – свершилось! Летом между моим 8-м и 9-м классом произошел переезд.

Помню, сначала в классах были только парты и стулья, а шкафы привезли уже после начала учебы. И сколько было радости, когда нам привезли запечатанные коробки с недостающей мебелью, и мы сами после уроков ее собирали!..

А вспомним малое освящение храма. Какой восторг был в наших сердцах! Потом великое освящение... Ранние литургии, на которые нужно было ехать на первых поездах метро. Да, теперь у нас собственный храм, а все остальное – состязания, конкурсы, походы – бывает во всякой школе!»

Мебель для нового здания – это еще одно чудо, о котором школьники, возможно, и не знали. Денег на ее покупку у Братства не было. Мы получили пустое здание, в котором не на чем рассадить классы. Попробовали решить эту проблему своими силами: нашли несколько школ, закрывавшихся в том году на капитальный ремонт, и договорились, чтобы нам отдали старые парты, стулья, шкафы, которые все равно бы выкинули. Первую партию этого старья даже доставили

во двор нового здания. Директор призвал родителей, чтобы привести парты в приличный вид: ошкурить и покрыть лаком или покрасить... За этим занятием и застала их комиссия от спонсоров, приехавшая взглянуть на результат строительства. Спонсоры пришли в ужас: на открытие нового здания приедет сам мэр, разве можно показывать ему такую мебель? И выделили деньги на покупку всего необходимого: досок, парт, шкафов, стульев. Но это была, как мы потом узнали, только половина чуда. Оформление заказа и его оплата по безналичному расчету всегда требует некоторого времени. Нам важно было успеть закончить все операции к 1 сентября, чтобы в классах стояла хотя бы основная мебель. Но еще важнее, как оказалось, было перевести все средства фабрике-изготовителю до того момента, когда в стране произошел дефолт – мгновенное обесценивание денег. Если бы операции немного затянулись, денег на мебель нам бы уже не хватило. Кстати, большая часть школьных парт, закупленных в 1998 году, все еще стоит в классах, хотя и носит следы долгой и трудной службы. И это тоже чудо: считается, что школьная мебель дольше пяти лет не живет.

А вот впечатления одноклассницы Павла Ольги Владимировны Горлушкиной (Грузиновой), впоследствии преподавателя музыки в гимназии:

«Одним из самых памятных этапов в нашей школьной жизни было новое здание. Кто не учился сначала в Троицком домике, а потом в музыкальной школе имени Мясковского, этого не сможет ощутить. Мы молились, мы ждали, и у нас появилось оно – свое новое, красивое, чудесное здание – «жемчужина Тессинского переулка» –

как говорил мой папа. Для нас все было необычным: и то, что придется ходить по кабинетам, а не учиться в одном своем, и пластиковые стеклопакеты, которые на первом же классном часу нас учили аккуратно открывать-закрывать, и спортзал – в котором можно, представьте себе, бегать и играть в волейбол! И, конечно же, наш Храм, который сейчас стал для меня самым родным, в котором не страшно ничего, даже петь архиерейскую службу.

Начало новой жизни. Храм

На торжественное открытие здания гимназии 7 сентября 1998 года приехал сам Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Это были тревожные, тяжелые для страны дни: после дефолта ее грядущая судьба представлялась едва ли не катастрофической. Святейший Патриарх сказал слова, которые всех ободрили и утешили: если Господь дарует нашим детям школу, значит, у России еще есть будущее. Вместо молитвы о даровании здания отец Владимир Воробьев благословил перед началом уроков ежедневно читать молитву о спасении России. В основе ее текст молитвы, составленной святым Патриархом Тихоном в скорбные послереволюционные годы.

Утренняя молитва теперь проходит в домовом храме, расположенном на четвертом этаже школьного здания. Храм освящен в честь священномученика Петра, митрополита Крутицкого и Коломенского, и приписан к Николо-Кузнецкому храму. 10 октября 1998 года, в день памяти святого, в нем была совершена первая Литургия. Великое освящение храма совершил Высокопреосвященнейший Арсений, архиепископ Истринский, в 2001 году.

А в 2002 году «Традиционную гимназию» вновь посетил Святейший Патриарх Алексей II, который встретился с учителями и школьниками. На конференцию в школу приезжал Высокопреосвященнейший Герман, архиепископ Курский и Рыльский. Высокопреосвященнейший Арсений совершал Божественную Литургию на 15-летие гимназии в 2007 году, а Высокопреосвященнейший Меркурий, епископ Зарайский, викарий Московской епархии (ныне митрополит Ростовский и Новочеркасский, руководитель синодального Отдела Религиозного образования и катехизации) возглавил Престольный праздник в 2010 г. Самым дорогим гостем всегда остается для нас Преосвященнейший Пантелеимон, епископ Смоленский и Вяземский, – так с 21.08.2010 года именуется отец Аркадий Шатов, один из основателей нашей школы.

Несколько раз в год в храме совершается торжественная служба, на которой присутствует вся школа: в день памяти священномученика Петра, на Святках и на Светлой седмице; обязательно служится Литургия преждеосвященных даров на Крестопоклонной неделе. Обычная же служба несколько лет проходила один раз в неделю, как правило, по четвергам. На этих службах по очереди поют все классы под руководством взрослых регентов. В 2009 году выпускной класс, в котором классным руководителем был о. Иван Воробьев, предложил ввести

еще одну службу, по вторникам. На этих службах они пели и регентовали сами, и традиция таких служб сохраняется.

Украшение храма продолжается до сих пор. Иконы и фрески создаются преподавателями и студентами факультета церковных художеств ПСТГУ. Ими же выполнена мозаичная икона Богоматери Оранта, установленная на фасаде здания.

Среди этих художников, как и среди регентов школьного хора, есть и наши выпускники. Среди регентов их абсолютное большинство.

Рядом с храмом находится кабинет Закона Божия. Этот предмет у всех классов средней и старшей школы преподает отец Андрей Близнюк. Его яркие и неформальные уроки помнят все выпускники гимназии.

Новые традиции

Четырехэтажное здание, построенное для «Традиционной гимназии», хоть и не так уж велико, но все же вмещает гораздо больше учеников, чем один этаж музыкальной школы, – около 400. Если прежде «Традиционная гимназия» была школой-семьей, теперь она стала школой-учреждением, и для организации ее жизни понадобились новые приемы – более официальные, регламентирующие и внешний вид школьников, и все взаимоотношения в большом коллективе. В течение нескольких лет, последовавших за переездом в новое здание, был написан Правила для учащихся и введена школьная форма. Была поставлена задача привести внутренний уклад «Традиционной гимназии» в соответствие с нормами государственной школы (желательно доперестроечных времен, когда порядок в школах еще не был расшатан реформами). Основная работа по выполнению этой

задачи легла на плечи Е. Н. Солодушенковой (завуч гимназии с 2003 по 2008 г.). Большую помощь ей оказали инспектор по воспитательной работе Н. А. Карсакова, Е. В. Брылева (председатель методобъединения учителей начальной школы с 2005 по 2007 г.) и председатель родительского комитета Е. В. Егорова – ей гимназия обязана той формой, которую наши ученики носят и по сей день.

Территория вокруг нового здания невелика, но на ней все же разбит небольшой сад. Особенно живописно и уютно смотрится дикий виноград, увивающий всю школьную ограду со стороны Тессинского переулка; вырастить его в Москве не так-то просто. Этот сад создан трудами Владимира Михайловича Горлушкина – биолога по профессии, много лет отвечавшего за состояние здания и сада.

Михаил Филиппович и спорт в нашей школе

Мечта ребят о физкультурном зале исполнилась, когда школа въехала в новое здание. Но зал – это еще далеко не все, что нужно, чтобы уроки физкультуры принесли плоды. Главное, чтобы проводил их настоящий мастер – и спорта, и воспитания спортсменов. Нам несказанно повезло – такой мастер пришел в «Традиционную гимназию» и сумел внести в жизнь школы то, чего ей прежде не хватало.

Михаил Филиппович Марьяшин – выпускник Академии физической культуры и спорта, тренер по хоккею и футболу. Среди его учеников 30 мастеров спорта. Один из них стал чемпионом Европы, другой – звезда советского хоккея, чемпион Олимпийских игр, мира, Европы, заслуженный мастер спорта Виктор Жлуктов. Михаил Филиппович получил звание заслуженного тренера России, работал тренером юниорской сборной СССР – чемпиона Европы. Затем 8 лет руководил российским хоккеем.

А потом решил вернуться к практической работе и пришел в школу. Это был крутой поворот в судьбе. В течение 10 лет Михаил Филиппович работал в Южном округе и считался одним из ведущих преподавателей физической культуры. В 1992 году завоевал звание лучшего учителя Москвы – «Учителя года».

«И вдруг беда непоправимая, и снова резкий поворот судьбы. В 24 года умирает дочь. Остается внучка, которой год и 8 месяцев. Только Церковь и священник, отец Алексей Емельянов, спасли нашу семью, – рассказывает Михаил Филиппович. – Сначала жена, потом внучка, а потом и я пришли в храм. Когда внучке минуло 7 лет, выбор был сделан – она пошла в первый класс в «Традиционную гимназию». Я ра-

ботал в то время в одной из лучших гимназий Москвы. И в один прекрасный день в мою школу приезжает Оксана Васильевна, мать о. Алексея, – посмотреть, что это за учитель физкультуры. По-видимому, я ей понравился, и меня пригласили на собеседование к отцу Владимиру Воробьеву. А перед этим я приехал в «Традиционную гимназию», посмотрел уроки физкультуры, и мне стало жалко детей и своей внучки. К решительному шагу меня подтолкнула фраза жены, Натальи Ивановны: «Ну, продолжай растить чемпионов в других школах, а своя внучка будет страдать без нормальной физкультуры». И я дал согласие на переход в «Традиционную гимназию». И уже 12 лет работаю в нашей школе.

Первое, что нужно было сделать, – влюбить детей в физическую культуру. Я старался сделать уроки интересными для каждого ребенка, чтобы даже у самого слабого выросли крылья от маленьких побед над собой. Выравнивал весь класс, чтобы ни один ученик не чувствовал себя неловко от бессилия и неумения. И это удавалось.

Для детей игра, состязания являются неотъемлемой частью занятий. И мы включились в соревнования района – Спартакиаду. В первый год наше место было 9-м из 18 школ. А затем, на второй год работы, неожиданно для многих мы стали победителями Спартакиады. Потом пришли победы: волейбол, настольный теннис, подвижные игры. На сегодняшний день мы одиннадцать лет подряд победители Спартакиады Таганского района. А в 2009 нас наградили кубком как победителей Спартакиады школ Центрального Округа.

Некоторые подумают, что мы ставим только спортивные задачи. Это не так. Для меня самые счастливые минуты, когда любой ребенок преодолевает трудности, проявляет силу воли, не уступая сопернику, и чувствует уверенность в себе. А когда его или ее на финише обнимают друзья, он счастлив и горд и за себя, и за свою школу. Только победами на соревнованиях, олимпиадах можно укрепить спортивные традиции школы. И они есть. Мы гордимся своей школой. Нас знают и в районе, и в округе, и в Москве. Мы многократные чемпионы и призеры соревнований по легкоатлетическому кроссу, легкой атлетике, волейболу, подвижным играм, «Веселым стартам», скакалке, бадминтону, лыжным гонкам, настольному теннису, гимнастике, футболу, шахматам.

Мое кредо: здоровье детей – главное богатство страны. И я должен сделать счастливым каждого ребенка, который у меня занимается. И сам становишься счастливым и не чувствуешь своих лет. Спасибо школе за все!»

Школа, конечно, гордится победами своих команд. Но Михаил Филиппович внес в нашу жизнь не только спортивные победы. Все школьники, учившиеся у Михаила Филипповича, отличаются гармоничным физическим развитием, а это, наверно, главная и истинная цель уроков физкультуры.

M · AGRIPPA · L · F · COS · TERTIVM · FECIT

Эра театра

Спектакли камерные, «классные» могут поставить и обычные учителя. Другое дело, когда постановку осуществляет профессиональный режиссер. В таком слу-

чае получается яркое и запоминающееся действо. Театральные постановки в нашей школе начались в первый же год ее существования. Дело это хлопотное, но очень плодотворное. Оно дает детям возможность раскрыть способности, объединяет классы, тренирует память, учит красиво двигаться и говорить, и, наконец, какой же без театра праздник?

Постановки традиционно готовятся к Рождеству и к выпускному вечеру (часто и к Последнему звонку); бывают отдельные спектакли для предметных недель – истории, литературы, английского языка; много интересных театрализованных праздников проводит начальная школа.

В нашей школе в разное время работало несколько таких режиссеров: Татьяна Ивановна Королева, Татьяна Владимировна Трифонова, Надежда Зиновьевна Козлова и Анна Михайловна Синяева.

Самый большой и яркий праздник года в школе – это Рождество. Участвовать в рождественских спектаклях хотят все, но найти роль для каждого непросто. Один из вариантов решения этой проблемы – поставить большой общий спектакль, где каждый класс получит свою «массовую» сцену.

Впервые такая постановка была осуществлена в 2000 году, когда праздновалось 2000-летие Рождества Христова. На сцене появились современники Христа: римские легионеры, иудеи, ждущие Мессию, гре-

ческие философы... Режиссером-постановщиком этого грандиозного действия была Т. И. Королева, ей ассистировали Н. А. Соловьева и Т. В. Трифонова. Костюмы для легионеров – самые сложные в этом представлении – сконструировал о. Андрей Близнюк. Об этой постановке вспоминает О. В. Горлушкина:

«Самым масштабным и впечатляющим событием была Рождественская общешкольная постановка в 2000 году, посвященная народам и событиям во время Рождества Христова. Сейчас такие постановки стали традицией, а тогда для нас это было чем-то фантастическим. По коридорам бродили ученики в туниках, доспехах, с наклеенными бородами и с высоченными греческими прическами, секретом создания которых в совершенстве владела Александра Игоревна. Помню, как отец Николай Емельянов, благодушно глядя на нас, приговаривал: «Хм, греки, римляне...»

Во время спектакля, когда «легион» римских воинов с факелами торжественно прошествовал через толпу зрителей к сцене, чтобы провозгласить повеление Цезаря, некоторые малыши даже заплакали...»

Повторить этот опыт мы решились только через 10 лет, в 2010-м, когда вся школа сыграла «Свечу от гроба Господня» – пьесу, написанную специально для этой постановки по мотивам сказки-притчи С. Лагерлёф. Главным режиссером этого спектакля также была Т. И. Королева. Ей ассистировали А. М. Синяева и Н. А. Соловьева. Замысел был очень сложным, но спектакль прошел на одном дыхании.

Успех придал нам смелости, и очень скоро, на Рождество 2012 года, вновь был поставлен большой спектакль, в котором участвовали все классы старшей и средней школы, – «Хроники Прайдена». Режиссером-постановщиком его была А. М. Синяева. Сценарии к обеим сказкам написаны О. В. Смирновой, а костюмы для них разработаны и частично сделаны Еленой Борисовной Катоминой.

В настоящее время Анна Михайловна Синяева за год готовит с учениками несколько ярких постановок. Все они самобытны и неповторимы: и «Семеро против Фив» Эсхила, поставленные 6 классом, и «My fair lady» на английском языке, и Шекспир, сыгранный выпускниками 2011 на собственном выпускном вечере, и многие другие.

Отдельно надо отметить театрализованные праздники в начальной школе. В 2000–2004 гг. прошла серия постановок, выполненных на очень высоком уровне: «Музыкальный альбом» П. И. Чайковского, «Венок сказок», «Басни Крылова», «Суворов – Ушаков», «Бородино». Эта традиция недавно возродилась: в 2011 году постановка «Золотой гусь» получила первую премию Центральной детской библиотеки.

Эпоха выпускников

Наши выпускники начали приходить работать в родную школу еще до переезда в новое здание. Первый же выпуск дал двух педагогов (из пятерых выпускников) – о. Филиппа Ильяшенко и А. И. Артамкину. Из выпускников 1994 года в школе преподавали В.В. Воробьева (Артамкина), А.С. Трифонова (Денисова) и А.Н. Емельянова (Заикина) и преподает сейчас Е. А. Семенова. Выпуск 1996 года дал школе 6 учителей: Д. А. Артамкина, А. А. Белова, о. Ивана Воробьева, А. А. Макееву (Артамкину), Н. Г. Лозинскую (Сергееву), М. К. Николаеву (Ермилову). Трое из них – отец Иван, Александр Андреевич Белов и Дмитрий Игоревич Артамкин – работают в школе и сейчас. Выпуск 1997 года представлен Алексеем Игоревичем Артамкиным. Выпуск 2000 года – М. В. Вахмистровой, из выпуска 2001 в школе работает О. В. Горлушкина (Грузинова). Два выпускника 2002 года еще студентами регулярно приходили принимать зачеты по математике: А. Басалаев и В. Шароваров, который впоследствии и сам работал у нас учителем математики, а выпускница 2002 г. А. А. Максименко преподает английский язык. Из 2003 г. выпуска учителем физики работал С. В. Бакайкин, а А. С. Иващенко и сейчас работает учителем английского языка. 2005 год дал двух педагогов начальной школы: А. А. Доколину и А. И. Каледу (Шапошникову). Из выпускников 2006 в школу вернулись трое: К. И. Артамкина, М. Л. Перепелкина и Е. В. Пчелкина (Торопова).

20 бывших учеников вернулись к нам учителями. Присутствие выпускников всегда бывает для школы радостным. Но однажды настало время, когда оно сделалось очень значительным и стало определять главные направления школьной жизни. Мы условно начинаем отсчет новой эпохи с 2008 – года, когда А. И. Артамкина стала заместителем директора по учебной работе гимназии. О. Иван Воробьев уже был к этому времени замдиректора по работе воспитательной, и вместе с о. Андреем Постернаком, который работает в школе почти с самого ее основания, с 1995 года, они открыли новую страницу в истории нашей школы. В 2011 году А. И. Артамкину сменила М. В. Вахмистрова – выпускница гимназии 2000 года.

В 2009 году был основан школьный хор, в котором поют ученики всех классов. Им руководит диакон Алексей Зайцев, а большинство регентов этого хора – выпускники Традиционной гимназии: О. В. Горлушкина (Грузинова), М. Л. Перепелкина, К. А. Артамкина.

Но это лишь одна сторона новой эпохи. Другая не менее важна. В школе учились сначала дети тех, кто ее открывал и в ней работал, потом их внуки, братья и сестры первых наших учеников – целые династии. Теперь в школу пришли учиться дети наших выпускников. И когда в праздники школу наполняют не только школьники, но и их родители, кажется, что никто и никогда не уходил из этих стен. Тот идеал школы-семьи, с которой когда-то начиналась «Традиционная гимназия», вновь возвращается в «Свято-Петровскую школу».

Вечная память

За двадцать лет из нашей школы многие ушли – по разным причинам: житейским, драматическим, печальным... Некоторые ушли не только из школы – из земной временной жизни. Однако их участие в нашей судьбе для всех, кому пришлось с ними соприкоснуться, остается по-прежнему реальным, очевидным. Не всем довелось знать каждого из этих людей: поколения в школе сменяются быстро. Но каждый из них навсегда – часть нашей жизни. Об этих людях должны знать и те, кто пришел в школу уже после их ухода.

Двое из тех, кого уже нет с нами, стояли у истоков школы и много сделали для того, чтобы она состоялась. Это Николай Евгеньевич Емельянов и Владимир Павлович Сухов.

Николай Евгеньевич Емельянов (1939–2010)

14 января, в праздник Обрезания Господня, в 23.10 после тяжёлой болезни на семьдесят первом году жизни отошел ко Господу профессор Николай Евгеньевич Емельянов, доктор технических наук, декан факультета прикладной математики и информатики ПСТГУ. Николай Евгеньевич руководил также разработкой электронной Базы данных «За Христа пострадавшие» и Базы данных памятников Восточно-Христианского искусства. Работал в Свято-Тихоновском университете с момента его основания (в 1992 году) и с момента основания был председателем Братства во Имя Всемилостивого Спаса.

Н. Е. Емельянов был награждён Патриаршими наградами: Орденом Благоверного князя Даниила Московского 2-й степени, Медалью и Орденом Преподобного Сергия Радонежского 3-й степени.

Всегда мирный, скромный и смиренный, готовый всем помочь, любящий Бога, Церковь и ближних, Николай Евгеньевич был в центре жизни нашей общины. Его с любовью часто называли «отцом отцов», так как три его сына и зять служат в сане священников. Его двадцать девять внуков радуют старшие поколения. Добрый, прекрасный жизненный подвиг Николая Евгеньевича внушает уверенность, что его кончина является радостным обретением небесного Отечества и вселением в горние обители. Вечная ему память! *(По материалам сайта ПСТГУ)*

Кроме близких отношений между нашими семьями вспоминается, как я учился у Николая Евгеньевича. В Николо-Кузнецком храме в 1989 году открылась воскресная школа. В старшей группе мальчиков стал преподавать Николай Евгеньевич Емельянов. Мы много гуляли по старой Москве. Были мы у памятника доктору Гаазу после удивительного рассказа о нём Николая Евгеньевича. Помню занятия в Чертанове на квартире у Емельяновых: на них приходила Мария Сергеевна Красовицкая и учила нас уставу. Запомнились прогулки по чертановскому лесу на лыжах. Это было достаточно короткое время, но очень яркое и насыщенное.

Много позже, на моей свадьбе, Николай Евгеньевич сказал, что женил последнего своего ученика из той группы: он следил всю жизнь за судьбой своих учеников. Несмотря на то что мы были мальчиками, он с нами общался как со взрослыми, очень внимательно пытаясь понять наши проблемы и нашу жизнь. Вместе с этим у него был всегда какой-то мальчишеский задор. С ним всегда было интересно. Думаю, что мы до конца не можем оценить, сколько нам в воспитательном, культурном и церковном смысле дали эти занятия (а мне лично и в педагогическом). Девиз доктора Гааза Николай Евгеньевич открыл для меня не только в своих рассказах, но и всей своей жизнью: «Спешите делать добро».

Иерей Иоанн Воробьев

Владимир Павлович Сухов (1947 – 2010)

3 января 2010 года после тяжёлой операции, перенесённой в сентябре, скончался Владимир Павлович Сухов – один из основателей гимназии. Шесть лет, пока гимназия арендовала помещение в музыкальной школе и в Больничном храме царевича Димитрия, он занимался сначала поиском, а потом оформлением уже построенного здания.

Владимир Павлович Сухов по образованию – учитель химии и биологии. Долгое время был директором вечерней школы, успешно работал в сфере образования. Мы познакомились с ним, когда меня благословили идти работать в школу и преподавать химию и биологию. Как раз в это время он пришёл в Николо-Кузнецкий храм и стал к этому приходу тяготеть душой. Через некоторое время он возглавил фонд «Христианской благотворительности и просвещения» при Братстве Всемилостивого Спаса, и, естественно, образованием он занимался в первую очередь.

Потом, помогая создавать Традиционную гимназию, Владимир Павлович сделал очень много для того, чтобы в ней можно было учиться. Я знаю, что, когда он занимался только поиском здания, на это ушло несколько лет. Нужно было оформить огромное количество бумаг, разрешений. Для того чтобы «пробить» все эти бумаги, нужно было поставить подпись как минимум в двадцати кабинетах разных организаций Москвы. А чтобы получить подпись, нужен был обязательный контакт со всеми людьми, от которых хоть что-то зависит. И Владимир Павлович эти контакты умел создавать. И умел не потому, что он какой-то проницательный человек. Нет, он ко всем приходил с открытым сердцем, с открытой душой и с любовью. В нём это было самое главное.

Владимир Павлович умер уже после второй операции, а когда ему делали первую, мы только въехали в это здание и происходили основные организационные оформления. Он уже лежал на операционной каталке, но продолжал диктовать своей жене, кому нужно позвонить, что нужно сделать, чтобы наконец получить эти подписи. Это удивительное его качество – доводить до конца всё, за что он брался, и заботиться о каждом человеке, который оказывался рядом с ним. Кроме того, он старался никого не осуждать и всегда во всём искать правды. Одним из зримых плодов его жизненных трудов является здание нашей школы и возведенный в нем Храм. Мне кажется, что это очень достойный итог всей его жизни. На его отпевании было немного людей, но если бы все наши ученики и родители представляли масштаб его деятельности, то, наверное, пришла бы вся наша школа. Заслуги его были настолько скрытны и настолько внешне незаметны, что немногие и знали о них. Отпевали Владимира Павловича 6 января, в сочельник, после вечерни, то есть Рождество уже наступило. Отец Валентин Асмус, который его отпевал, сказал, что человеку, которого отпевают на Рождество Христово, открыт путь в Царствие Небесное.

Нина Афанасьевна Соловьёва

В разные эпохи существования нашей школы из жизни ушли три молодых учителя: Константин Аркадьевич Заманский, Денис Михайлович Шамаев и Василий Алексеевич Глобин.

Они прошли свой земной путь светло и быстро. Все трое стали для наших школьников живым примером того, что современный молодой человек может жить, следуя христианским идеалам. Смерть каждого из них стала болью и потрясением для всех, кому довелось их знать и у них учиться. Поколение учеников Традиционной гимназии, пережившее одну из этих трагедий, может себе представить, как оплакивали свою потерю их предшественники или те, кто пришел позже.

Константин Аркадьевич Заманский (1973–1996)

Трудно вспоминать про Костю – острое ощущение нелепости и несправедливости его ухода свежо до сих пор, хотя прошло уже немало лет (К. А. Заманский был смертельно сбит автомашиной). Но невозможно забыть его радостную и при этом чуть смущённую улыбку. Я не помню, как Костя появился в школе. Кажется, и в храме он появился совсем незадолго до этого. Мне казалось, что в Церкви Костя нашёл в первую очередь источник радости, причём источник очень простой – помогать ближнему. На службе в храме он почему-то почти всегда оказывался с младенцем на руках, умея вовремя прийти на помощь

какой-нибудь мамочке. Как он научился это замечать, я не понимаю – обычно молодые люди его возраста в таких обстоятельствах не особо разбираются.

Обычный порядок приглашения нового человека на работу всё-таки идет от вакансий: требуется преподаватель определённого предмета в определённом классе, и на это место ищется человек. Здесь, кажется, все происходило наоборот: Костя уже в школе присутствовал, видимо, взявшись с ходу кому-то в чем-то помочь, и надо было только подобрать для него нагрузку. Костя учился на старшем курсе в хорошем техническом вузе, и было ясно, что дать ему надо математику. Возможно, его успехи в плане, как это положено говорить в отчетах, «обязательных результатов обучения», были не столь уж высоки. Но то, что ребята его полюбили и что он всё-таки с ними вполне управлялся, это факт, и это было уже очень немало!

Конкретные события вспоминаются с трудом: очень уж напряжённая шла у нас тогда жизнь. Школа была уже не намного меньше, чем сейчас, но всё было очень неустроено... А Косте параллельно со школой ещё надо было учиться, сдавать сессии, потом писать диплом... Виделись и общались мы с ним в тогдашней школьной круговерти, наверное, не так уж часто и по большей части на бегу. Но неизменно присутствовало чувство его плеча, которое он с готовностью подставлял всегда, когда только видел, что нужна помощь.

Понять и принять его трагически нелепую смерть и сейчас так же трудно, как тогда. Но сейчас я уже знаю, что лучезарная Костина улыбка и радость, которую он так щедро распространял вокруг себя, из памяти уже не уйдёт и не потускнеет... «И память их в род и род...»

Игорь Вадимович Артамкин

Я видела Костю в храме, в поездках, позже он пришёл работать в гимназию. Для него не существовало понятия «не моё дело». И в любой ситуации в школе, если рядом оказывался Костя, можно было быть уверенным: он подставит плечо, сделает всё, что нужно, не дожидаясь, когда попросят или позовут.

Он всегда воспринимался как «свой» человек, как родной, словно мы были знакомы всегда. Встретишь его – и обрадуешься, будто лучик света скользнул по лицу. Замечательно светлый он был человек: ровный, искренне приветливый, открытый.

В Косте была удивительная сила добра и достоинства и какая-то тактичная мудрость. Рядом с ним не хотелось унывать или раздражаться; ненужные, ненужные разговоры совсем не вязались с ним. Однажды при Косте кто-то заговорил в совершенно неуместном тоне и что-то лишнее начал рассказывать. Костя тихо сказал: «Наверно, не надо так говорить...» Не могу передать, как это прозвучало: не по-учительски, без назидания, без осуждения... как тихое раздумье, как вывод для себя самого. Этим тихим словом было достаточно, чтобы ненужный разговор увял, прекратился.

Он словно бы облагораживал своим присутствием – это редкий дар, и Костя, конечно, совсем не подозревал его в себе. Он жил очень просто, совсем не думая о себе: ни о том, как к нему относятся, ни о том, какое он производит впечатление.

Костя очень щедро относился к людям. И в крупном – многим он помогал по-настоящему, выручал в беде, поддерживал. И в мелочах...

Анна Александровна Прохорова

Когда в первый год существования гимназии нам в начальную школу очень был нужен учитель математики, Костя тут же согласился взять эту заботу на себя, хотя преподавание математики требовало от него большого труда. Костя преподавал недолго, но ребята помнили его всё время, пока учились в школе. Надеюсь, и сейчас не забывают.

Как-то Костя подошёл ко мне: «Наталья Сергеевна, Вы могли бы на некоторое время взять на хранение вот это?» – и он показал мне средней величины икону. На мой немой вопрос Костя ответил: «Мне подарили, а домой я нести её не могу – папа не знает, что я крестился».

Костя был в приходе человеком не очень-то заметным. Но когда на поминках один за другим вставали люди, благодарные Косте за ту или иную помощь, думаю, не я одна была потрясена тем, как мог он за такое короткое время совершить столько добра.

Наталья Сергеевна Николаева

Денис Михайлович Шамаев (1972–2005)

Денис умер 16 февраля 2005 года после тяжелой операции. Ему было 33 года. В его семье осталось трое маленьких детей.

Еще студентом Денис начал помогать только что открывшейся гимназии: участвовал в походах и слетах, заменил однажды надолго заболевшего физика Д. А. Ветюкова, но становиться учителем вначале и не думал. Он блестяще окончил МИФИ и начал всерьез заниматься наукой. Однако в те годы государство отказалось от науки. Денис стал работать программистом, чтобы содержать семью,

и преподавал в гимназии математику – «для души». Он умел великолепно готовить старшеклассников к вступительным экзаменам по этому предмету.

Денис Михайлович был довольно-таки строгим учителем (или, по крайней мере, умел напускать на себя строгий вид), но для учеников всегда оставался другом. Все они потом вспоминали, как важно для них было его мнение, нравственная оценка событий и поступков.

Он был доброй, любящей душой большого дружеского круга. Всегда мучительно переживал всякий разлад и ссору и умел «гасить» их без слов – одной своей замечательной улыбкой. Его любили и дети, и взрослые, и те, кто был знаком с ним много лет, и те, кто впервые встретил в учительской заполняющим журнал и в то же время успевающим перекинуться парой слов с каждым и каждого утешить, ободрить, согреть своим вниманием и добротой.

Оксана Вениаминовна Смирнова

Первое, что я помню о нем, – это огромная улыбка на полпотолка, внимательные глаза, тоже как будто улыбающиеся через очки, когда он смотрел на нас, стайку восьмиклассниц, с высоты своих двух метров, и ставший потом таким привычным и любимым голос: «Таааа, девушки, давайте знакомиться!» Денис Михайлович ходил из одного угла класса в другой мимо доски, раскачивался и объяснял, размахивая руками и натываясь на всевозможные шкафы и столы, мы же сидели за партами, как зачарованные мартышки перед удавом, и не могли отвести взгляда. Он не был очень уж строг, вовсе нет, но как-то само собой у всех все получалось. А что не получалось, он мог объяснять снова и снова. Хорошо помню, как он давал в классе задания: писал на доске номера, а потом ходил от одного к другому и объяснял, если что-то не ладилось.

Вот ты поднимаешь руку или просто просишь о помощи: «Денис Михайлович! Подойдите, пожалуйста!» Он подходит, опускается перед твоей партой на корточки, смотрит на тебя поверх очков, всегда улыбается: «Ну давай посмотрим, что у тебя тут...»

С ним всегда можно было поговорить на любые темы, он не отмахивался от наших детских проблем. Спрашивая, всегда знаешь, что он ответит именно то, что думает, неформально и честно. Он видел глубже и дальше обычного. Мы все так радовались за него, когда появилась дочка Ленка, я даже прогуляла школу и пошла на крестины. Он потом для проформы поругал меня, но все это с такой улыбкой, что было ясно: он рад всем, кто делит с ним его счастье. Теперь я удивляюсь, как он мог и заниматься семьей, и работать программистом, и бегать на наши школьные уроки, и всех вмещать в своем сердце, ведь он никогда не был равнодушным, он о нас по-настоящему беспокоился и переживал.

Аня Гетманова (Яночкина), выпуск 2002 г.

На отпевании Дениса отец Владимир оглядел плачущую толпу, заполнившую весь Николо-Кузнецкий храм, и сказал:

– Так провожают праведников. Но если б Денис мог обратиться к вам сейчас, он бы сказал: «Ну почему вы такие тупые? (Да, он мог так сказать в большой досаде – О. С.) Зачем вы плачете? Ведь я же теперь с Господом!»

О. В. Смирнова

Василий Алексеевич Глобин (1983–2008)

Василий Алексеевич проработал в нашей школе около трех лет. Он преподавал физкультуру, был классным руководителем 9 «В» класса, летом 2008 года – начальником лагерной смены. Возвращаясь домой, был сбит локомотивом на железнодорожных путях. Дома его ждали жена, приемная дочь и маленький сын.

В память о Василии Алексеевиче в конце декабря в школе проводится турнир по волейболу, в котором участвуют команды школьников и выпускников.

За те три года, которые мы работали вместе, Василий Алексеевич для меня стал вторым «я». Мы понимали друг друга с полуслова и в профессиональной деятельности, и в воспитании. Он пришёл в школу, не проработав

до этого ни одного дня преподавателем. За три года работы в школе он вырос в одного из лучших учителей не только Таганского района, но и ЦАО.

Его отличали большая любовь и глубокое уважение к детям. Учащиеся от первого до одиннадцатого класса чувствовали это душой. Не было ни одного вечера, чтобы мы не созванивались друг с другом, планируя уроки и спортивные мероприятия. У него хватало времени на всё: и на занятия со студентами, которые его также любили, и на проведение секций футбола, и на тренировки с одиннадцатиклассниками в «Иллюзионе», и на тренировки и игры в футбольной и волейбольной командах ПСТГУ, и на участие в конкурсе «Самый спортивный учитель» в ЦАО, в котором он занял третье место.

Его отличало очень ответственное и нежное отношение к семье.

Летом он взвалил на себя ношу начальника лагеря «Богослово» и прекрасно с ней справился.

Во всех этих проявлениях я видел в нём себя в молодости, и лучшего преемника найти было невозможно. С уходом Василия Алексеевича я потерял не только молодого друга, но частицу собственного «я». Мне до сих пор кажется, что он ушёл ненадолго и скоро вернётся. В моём сознании он присутствует рядом со мной постоянно. Он не ушёл, он продолжает жить вместе с нами.

М. Ф. Марьяшин

...Прошло уже время. Но мы до сих пор помним, как неожиданно ушёл из нашей жизни Василий Алексеевич. Совсем недолго он был с нами, но каждый помнит, помнит его всегда ласковую улыбку, живой взгляд, доброе отношение; помнит его любовь.

Василий Алексеевич был очень близок с детьми. Он сам был как ребёнок в своей непосредственности и жизнерадостности. Может быть, поэтому трудно было воспринимать его просто как учителя. Для многих он был настоящим другом.

Василий Алексеевич умел затронуть в людях лучшее, показать им, какие они на самом деле, вселить в них уверенность в себе, причём часто он делал это без слов, просто становился рядом. Все окружающие чувствовали его необычность. Он никогда не играл роли, не надевал на себя маски, в нём были заметны только перемены настроения, но никогда не менялся он в манере держаться, всегда оставался самим собой. Как сейчас помню: он стоит перед детьми в начале урока, когда ещё не все вышли из раздевалки... и у него такое отрешённое выражение лица, почти грустное и все-таки не совсем. Он как будто смотрел в какую-то даль или, может, в глубину, в какую-то бесконечность... А потом, очнувшись, начинал урок. Куда смотрел он, о чём думал, чего желал, что предвидел?

Думали ли мы, что его слишком скоро не станет, что он уйдет так рано от нас?! Впрочем, это для нас рано, мы ещё не успели насытиться дружбой с ним. Для него это было, наверное, своевременно. Люди часто недоумевают – почему уходят самые лучшие, самые сильные, добрые и прекрасные души люди, уходят, когда они так нужны здесь, на земле! Может быть, потому, что оттуда они смогут больше помогать нам? Трудно всё время помнить и любить их на расстоянии, но они всегда будут помнить нас и своей любовью побуждать идти по дороге жизни, следуя своему призванию.

Говорили, что Василий Алексеевич сумел быстро «пробежать дистанцию», в свои двадцать пять лет достиг того, к чему многие идут на протяжении всей жизни. Он достиг своей цели. Многие ощущают его присутствие и поддержку, особенно в трудные минуты. Василий Алексеевич навсегда остаётся в наших сердцах!!!

11 «Б» (выпуск 2011 г.)

Нарастающий шум электрички,
Горький запах чужих сигарет,
Ровно год, как он землю оставил,
Ровно год, как его с нами нет.

Холод кладбища – холод сознания,
Тяжело говорить и молчать,
Согревая холодным дыханьем
Леденящую свечку опять.

Так спокойно смотреть на надгробье –
Нет ни горя, ни слез, ни тоски,
На ресницах застыли снежинки –
Я смахну их движеньем руки.

И несется опять электричка,
Обгоняя и ветер, и снег.
Ненадолго согревшись в вагоне,
С удивлением слышу свой смех.

Замерзают на воздухе мысли
И горят фонари-маяки,
А в вагоне мне кто-то оставил
На стекле отпечаток руки.

Аня Темес, выпуск 2010 г.

Почти одновременно от нас ушли три женщины, тоже имевшие между собой нечто неуловимо общее. Может быть, то, что все они уже успели состояться, может быть, то, что оставили детей, которым теперь всю жизнь будет их не хватать, или то, что каждая из них была очень требовательна к себе и добивалась совершенства не только в работе, но в любом своем поступке. С ними соприкоснулся далеко не каждый из учеников, и потому слова о них скромны и даже кратки. Но все они любили нашу школу и отдавали ей силы и время, которого им так немного было отмерено в этой жизни.

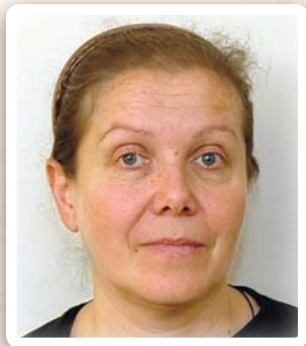
Елена Алексеевна Коновалова (1960–2008)

Елена Алексеевна работала у нас бухгалтером. Она была очень оптимистичным и светлым человеком, и хочется написать о ней без горечи и боли, но я до сих пор не могу примириться с этой потерей! Когда прихожу в школу и смотрю на стенд «Вечная память», всегда ищу её лицо, и на мгновение сжимается сердце. Елена Алексеевна была для меня образцом очень во многом. Очень серьёзное отношение к вере, строгость к себе во всём. Меня поражала её необыкновенная выдержка и доброжелательность. И ещё, наверное, про таких людей говорят – цельный человек: в ней не было фальши и лицемерия. Она много читала, многим интересовалась, умела интересно и весело рассказывать. Не могу не вспомнить, как задорно и заразительно она смеялась. Общение с ней всегда приносило радость, и как не хватает мне теперь этой радости. Для меня она была христианкой! По духу, по отношению к людям, по тому, какой была дочерью, женой, матерью, по тому, как переносила болезнь и как ушла из этой жизни. Вечная ей память!

Татьяна Ивановна Ковригина, секретарь

Наталья Викторовна Нугаева (1959–2009)

Наталья Викторовна проработала у нас учителем английского языка чуть больше трех лет. Ее тоже унесла тяжелая болезнь, с которой Наталья Викторовна героически, до последнего дня сражалась, не желая уступать, пытаясь победить ее своей железной волей и мужеством.

Судьба Натальи Викторовны удивительна. Получив блестящее образование, пройдя стажировку в Америке, работая при ООН, даже пожав однажды руку президенту США, она оставила свою успешную карьеру ради веры.

И выбрала скромное поприще учителя, чтобы принести

как можно больше пользы своей стране и Церкви.

Собравшись после отпевания, ее ученики – каждый, по кругу – говорили о том, чему их научила Наталья Викторовна. Не халтурить, делать свою работу безупречно. Быть честными. Не изменять своим принципам. Жить и работать на пределе способностей и сил, помня, что за каждое дело и слово мы отвечаем перед Господом.

Так жить все время, каждый день, необычайно трудно. Но стоит вспомнить яркие синие глаза Натальи Викторовны, ее прямой взгляд и всегда доброжелательную улыбку, и по-другому жить становится вдруг как-то... неуютно.

Елена Николаевна Милованова (1964–2010)

Елена Николаевна умерла 10 августа, в день своего рождения, после тяжелой болезни, в возрасте 46 лет. В нашей школе Елена Николаевна учила детей в начальной школе с 2008 г.

Вечная память нашей дорогой, любимой Елене Николаевне. Наша первая учительница – она самая добрая и ласковая, самая заботливая и внимательная. Для наших детей она лучшая и навсегда останется такой.

Очень жаль, что так мало времени мы были вместе с Еленой Николаевной, но в то же время очень много.

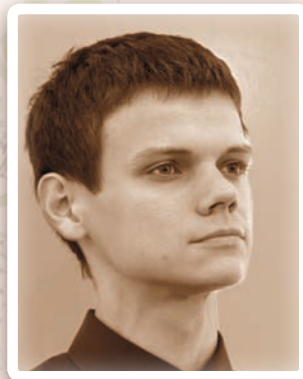
Очень много она сумела дать детям. И знаний, конечно, но самое – главное любви.

Для учителя-творца это особенно важно. Дети с такой радостью ждали встречи с Еленой Николаевной. Весь наш класс очень её любил. Нет, любит. И мы будем помнить о ней всегда. Вечная ей память.

Родители 2 «Б»

Умирают не только взрослые. За 20 лет существования гимназии мы потеряли двух учеников. Точнее – ученика и выпускника, который был еще студентом и не успел войти во взрослую жизнь.

Алексей Доколин (1985–2007)

Выпускник 2003 года, серебряный медалист, студент физфака МГУ, алтарник Больничного храма, застигнутый приступом тяжелой астмы, которой он страдал с раннего детства.

Володя Раушенбах (1992–2000)

Ученик 2 класса. Для нас – навсегда.

Школа глазами выпускников

Спустя годы школьная жизнь видится по-другому, не так, как в детстве. Накануне юбилея мы попросили выпускников поделиться своим видением прожитых в нашей школе лет.

О. Иван Воробьев, выпуск 1996

История школы в моей памяти делится на несколько этапов. Первый – это когда я учился в гимназии. Это были очень яркие, беззаботные и насыщенные годы. Второй – когда я был студентом и в школе был лишь выпускником. Помню, как мы приходили в школу к друзьям, которые там учились, и так нам было в школе хорошо, все родные, и стены родные – это было еще в музыкальной школе. С каждым годом друзей близких в школе оставалось все меньше, а потом и стены стали другими, и иногда ощущалась наша непри-

частность к школьной жизни. Сейчас понятно, что это ощущения выпускника, у которого с каждым годом знакомых и близких лиц в школе среди учеников все меньше и меньше. Новый этап начался, когда я пришел преподавать в школу. Это было на 5 курсе университета (2000 г.). Помню, что мне дали 5-й класс, в котором училась Таня Раушенбах, Надя Бубчикова и другие. Ярко помню первые уроки в 43 кабинете. Помню, что почти на каждой перемене и после уроков шел в зал и играл в волейбол. Часто игра была два на два: Женя Воронов с Алешей Басалаевым и Настя Рошкалаева со мной. Новый этап связан с классным руководством, рукоположением, защитой диссертации и должностью инспектора по воспитательной работе. Два года назад добавились новые ощущения, связанные с тем, что мои дети пошли учиться в нашу школу.

Все эти этапы очень разные, как и вся жизнь, но каждый из этих периодов очень родной и дорогой, нельзя вычеркнуть из этих воспоминаний ни одного дня. Для меня школа наша – это не место работы или учебы, это целая жизнь. Есть еще особенность человеческой памяти: плохое быстро стирается, а хорошее остается. Сейчас о школе вспоминается только хорошее, и хочется, чтобы

у всех было именно так.

Школа – это близкие очень люди – друзья. Мои одноклассники, например, в школе в соседних классах нашли жен и мужей. С отцом Филиппом мы служим в одном храме, с Борисом Александровичем мы теперь организовываем лагерь, с Дмитрием Игоревичем преподаем в школе и ходим в походы, со многими друзьями крестим детей, становимся крестными. То братство, которое было в школе, у нас оно осталось и живет до сих пор. Школа – это учителя, которым мы бесконечно благодарны за школу жизни. Теперь я могу сказать со знанием дела, что учитель, который добросовестно несет свое служение, оставляет в школе все силы, здоровье, молодость. Учитель с каждым учеником переживает его жизнь. Школа – это и опыт совместной молитвы. В последнее время школа – это большая ответственность.

Екатерина Семенова, выпуск 1994

В начале сентября 1992 года я перешла в 9 класс районной школы № 49. Вероятнее всего, это был бы мой выпускной год: училась я довольно плохо, и учителя предупреждали меня о том, что в 10 класс я могу не поступить. Интересов никаких у меня не было, и, скорее всего, до высшего образования дело бы не дошло. Честно говоря, я очень не любила ходить в школу, постоянно прогуливала уроки и никогда не выполняла домашнее задание.

По многим предметам катастрофически отстала: мне все было неинтересно. Я любила сидеть дома, мечтать, слушать старую музыку и читать то, что нравится. Одноклассники меня не понимали: верующая, странная, пионерский галстук не носит. Сейчас я понимаю, что так вести себя было категорически нельзя, это был мой грех – дети из светских семей видели единственного верующего человека, и при этом такого безответственного, неинтересного... Но тогда я была ребенком, и мне нужно было чувствовать, что я нужна и интересна хоть кому-нибудь в этом обществе. Я до сих пор с огромной благодарностью, теплом, а порой и со слезами вспоминаю двух учителей, которые боролись за меня, пытались меня вразумить, говорили о необходимости высшего образования, приходили в ярость от моих двоек. Наверное, им казалось, что они впустую тратят время, и как хочется сказать им сейчас, что я до сих пор помню их глаза, все сказанные тогда слова.

И вот в конце сентября 1992 года мама сказала мне, что в Москве открылась православная гимназия и что она категорически настаивает на том, чтобы я попробовала туда поступить. Я не стала спорить, в глубине души надеясь, что меня не примут (сроки поступления уже прошли): мне не хотелось ничего менять в своей жизни. В один прекрасный день мы пришли в Троицкий домик, поднялись по шатающейся лестнице на второй этаж. Все было так необычно: маленький ветхий двухэтажный домик, совсем не похожий на казённое здание школы. Навстречу попала женщина с малышкой, которая выходила из учительской, приветливо мне улыбнулась и спросила, кого я жду. Я подумала: «Надо же, интересно: учительница с малышом на урок пошла...» Это была Наталья Сергеевна Николаева. Потом из двери слева выбежали несколько девочек, веселых, так же скромно одетых, как и я. Мне они понравились, и захотелось сдать экзамен успешно, стало жаль, что я совсем не готова. Я почувствовала, что здесь настоящая жизнь, в которой нет мертвого формализма, шаблонности, жизнь живая, веселая и люди, которые меня примут и поймут.

Меня пригласили в комнату с круглым столом посередине и доской, со старыми обоями, совсем не похожую на класс, такую домашнюю – это был кабинет 9 класса. Пришла Елена Юрьевна Гараджа, милая учительница младших классов, она провела вступительный диктант. Пока диктант был на проверке, подошла Юлия Васильевна Ерохина... Выяснилось, что я не умею складывать дроби и вообще ничего не помню и не могу. Потом откуда-то вернулась Елена Юрьевна, показала лист с диктантом, где красной пасты было больше, чем синей, и глубоко вздохнула. Тут подошёл директор школы Игорь Вадимович Артамкин. Всё было очевидно. Но ведь наша школа особенная, удивительная, не формальная, самая лучшая на свете! Случилось чудо: вдруг появилась Оксана Вениаминовна Смирнова (мы ходили с ней в один храм, были знакомы в течение многих лет). Я её любила, знала, что она очень добрая и умная... Но даже в голову не приходило, что она сможет вытащить меня из ТАКОЙ ямы. Посмотрев диктант, Оксана Вениаминовна заявила, что всё не так плохо, ошибки однотипные, где-то допускаются варианты. В общем, она готова поставить «4».

Ну а что касается сложения дробей, то не дать ли девочке шанс? По лицам Юлии Васильевны и Игоря Вадимовича было очевидно, что шансов нет. Но они согласились! Я получила очень большое задание по математике на неделю. В следующий понедельник я пришла с ис-

писанной тетрадкой. Все задачи были выполнены правильно, я ответила на все дополнительные устные вопросы. Меня приняли на испытательный срок. Надо сказать, что этого импульса мне хватило до окончания школы: все три года обучения я стремилась оправдать оказанное мне доверие. Первую же четверть 9 класса я закончила почти на одни пятерки (кроме геометрии, по которой было «4»). В общем, больше двух четверок в четверти у меня за все время ни разу не было. Потом, так же бодро я поступила в Православный Свято-Тихоновский институт на филологический факультет.

Дело в том, что я была просто влюблена в русскую литературу XIX века. Ксения Алексеевна Александрова, которая вела у нас русский язык и литературу, давала нам удивительно интересные уроки. Она научила меня писать сочинения, научила не бояться думать и выражать свои мысли. Надо сказать, что Ксения Алексеевна была в центре внимания нашего класса: молодая, обаятельная и очень умная учительница с блестящим образованием. Нам очень нравились уроки Юлии Васильевны, а её фразу: «Отдыхать будем на пенсии», – я часто твержу себе в трудную минуту. Вспоминается наш любимый Алексей Леонидович Струченко, самый мягкий, добрый и веселый учитель, который внушил нам благоговение к физике как к предмету, человеческому уму не постижимому. Химию вела Нина Афанасьевна Соловьёва, человек, которого я ни разу не видела в плохом настроении: всегда приветливая, улыбающаяся, понимающая наши девичьи проблемы. В гимназии я неплохо выучила английский язык, по крайней мере, в институте попала в сильную группу и сподобилась учиться вместе с свящ. Александром Мазыриным, свящ. Сергием Ванюковым и другими «светилами» богословия.

Историю вел Василий Романович Секачёв (нынешний отец Василий). Помню, что он вел урок на следующий день после своей свадьбы, пришёл в школу к 8.30

как ни в чем не бывало. Именно он впервые рассказал нам правду об оклеветанном императоре Павле, о чудесах, которые совершаются на его могиле. Таким образом, в гимназии я чувствовала себя как дома: каждый учитель заботился о нас, любил нас, был внимателен и добр. Было немыслимо расстаться со школой, казалось, что за выпускным вечером жизни просто не будет...

Но жизнь продолжалась. После окончания института я осталась работать на богословском и филологическом факультетах. Через 10 лет у меня настал трудный момент в жизни, и мне необходимо было зарабатывать. В институте платили очень мало, пришлось уволиться и устроиться на работу в одну международную фирму. Таким образом, я вновь соприкоснулась с миром «светских», нецерковных людей. За 4 года мне пришлось сменить 3 организации. Меня окружали хорошие люди, умные, на первый взгляд, порядочные. Руководство всегда было довольно моей работой. Но каждый раз я сталкивалась с тем, что нужно было пойти на какой-нибудь компромисс с совестью, и тогда обеспечен успех, карьерный рост и хорошая зарплата. По крайней мере, у меня получалось именно так. И когда я встала перед выбором в третий раз, мне так захотелось вернуться в свой уютный «дом», в свою гимназию, где меня понимали, любили и учили...

И вот я вернулась. В школе изменилось очень многое: появилось новое здание, учеников стало гораздо больше, и они не похожи на нас, появились новые преподаватели. Но остались и прежние, мои учителя, а вместе с ними сохранился дух любви, правды, сохранились наши высокие идеалы служения Богу и людям.

Дмитрий Артамкин, выпуск 1996

Рассказывая о гимназии, нельзя не вспомнить 91 школу, нашу 91 школу и наше в ней пребывание. Гимназия выросла и сложилась внутри обычной (тут я немного позволил себе слухавить: конечно же, не совсем даже и рядовой) советской школы.

Складывалась гимназия внутри школы постепенно, человек за человеком, можно сказать, собиралась по винтикам. Чтобы яснее было, приведу коротенький пример. Учились мы с отцом Иваном (тогда его, конечно, звали Ваней) в одном классе

(всего в нем было 42 человека), и в третьем классе пришла к нам в класс новенькая Саша Шатова, а мы ее не знаем... вернее, в храме знаем, на даче знаем,

а в школе – нет, как будто память отшибло, пришлось в классе заново знакомиться... Так один за другим собирались ученики и учителя, тоже, естественно, друг другу совершенно незнакомые. Так все в школе и знакомилось во второй раз. Для нас, подростков, это вроде игры было, только играли мы вместе со взрослыми. Так известная нам тетя Ира превращалась вдруг в школе в совершенно незнакомую Ирину Владимирову (Щелкачеву).

Надо сказать, что эти учителя, «только что встретившиеся и познакомившиеся», вдруг проявили неудержимое стремление к самоорганизации и создали «на пустом месте» школу ВЭНПШЛ «Познание». Каких только кружков там не было: и старославянский, и церковнославянский, и история столиц и краеведение, и МХК, и чеканка, и резьба по дереву, и медицинский кружок, и вышивка, и лепка, много другого. И везде хотелось поспеть, а тепер и названий всех не упомнишь...

Потом уже, в конце, попроще стало. Появились, к примеру, у Алексея Николаевича «крестики-нолики»... История их такова.

Как уж – до сих пор не знаю, но организовал Алексей Николаевич бесплатные обеды. Это теперь мы привыкли, что у нас вся еда в школе бесплатная, а раньше такого не было, и обед надо было покупать. А время было тяжелое, и часто у нас, детей, денег на обеды не имелось – а семь уроков, да потом кружки... (Да, были люди в наше время... Богатыри, не мы!) И тут появились бесплатные обеды. Но так как их надо было, наверно, заранее заказывать и оплачивать, каждый участник должен был на первых переменах поставить, проходя мимо двери Алексея Николаевича, крестик против своей фамилии. И как-то раз идет мимо этого кабинета директор школы, видит эти плюсики и спрашивает:

- Алексей Николаевич, а что это у вас такое на двери висит?
- А это, Инна Иерофеевна, мы в крестики-нолики играем...

И так мы жили беззаботно год за годом, как вдруг летом шепотом (все важное всегда говорят шепотом) друг от друга мы стали узнавать: тот из школы ушел, а может, выгнали, и другой, и третий... И в воздухе запахло какой-то тревогой, но в то же время и чем-то радостным, новым. А в конце лета нам сказали, что нужно сдавать экзамены в новую школу, вернее гимназию. И мы сдавали экзамены.

Экзамен... Приходишь в большой светлый класс со множеством парт, тянешь билет, а перед тобой сидит строгий экзаменатор или даже комиссия... Нет, это было совершенно по-другому. Полуразвалившийся двухэтажный деревянный домик, вот уже несколько десятилетий вопиющий о необходимости капитального ремонта. По шатающейся лестнице входим на второй этаж и попадаем в комнату, больше всего напоминающую маленькую заставленную кухню (может быть, там даже плита была). Круглый обшарпанный стол, дети из разных классов... Но другого такого экзамена по внутренней мере ответственности у меня никогда не было. После этого всем, кому посчастливилось его сдать, а таких были единицы, уже было море по колено. Потом нам были не страшны ни зачеты, ни тесты по неизвестным темам, ни аттестационные экзамены в чужой школе.

В этом домике прошел «золотой век» нашего пребывания в гимназии. В Троицком домике мы учились всего несколько месяцев, но эти несколько месяцев

были гораздо больше двух с половиной лет моей учебы в гимназии.

С Троицкими домиками связаны такие воспоминания, из которых я и выпускникам рассказываю половину, да и то шепотом...

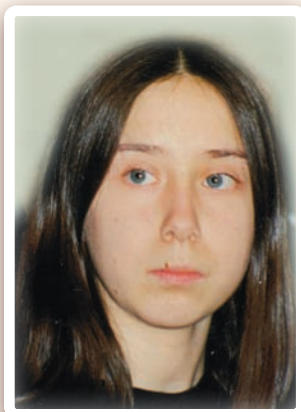
Троицкий домик мы с самого начала все разбирали и разбирали... Сначала старшая школа (8, 9, 10 и 11 классы) учились в трех разных зданиях в разных кварталах. Потихоньку появлялись новые парты, освобождались новые комнаты, и к концу (по моим ощущениям – в середине зимы) мы все собрались на одном этаже. Но это было потом...

Насколько я сейчас понимаю, зима в 1992 году была ранняя, и в один прекрасный день дверь 10 класса замерзла. И они кипятили воду (в соседнем квартале) и отливали дверь кипятком, чтобы иметь возможность попасть в класс. На завтраке они нам об этом поведали – к великой нашей зависти.

Парты появились у нас почти сразу, а вместо доски долгое время висел на стене кусок коричневого линолеума почти треугольной формы шириной сантиметров 60 в самой своей широкой части. Разгребали Троицкий домик мы почти все время нашего там пребывания. В один из дней разборки мы перекачивали банки с белой эмалью из дальней комнаты куда-то на улицу. Банки были большие (литров по 20), поэтому мы, недолго думая, решили их катить, и вот одна из банок, подпрыгнув на пороге, открылась... В одну секунду пол стал глянцево-белым, а ботинки ближайшего мальчика – белыми лакированными.

Мы росли довольно экспрессивными юношами, поэтому дверь в трапезную приходилось в буквальном смысле слова вытаскивать из стены, потому что она (дверь) уходила на полную глубину своей ручки в штукатурку. А излюбленным занятием на перемене было катание по соседнему двору грузового прицепа...

**Ольга Власова (Ксендзовская),
выпуск 1998**

Это маленькая история большой благодарности.

Я очень счастливый человек. У меня всё получается. Не потому что я такая умная, а потому, что меня научили. Научили всему: читать (между строк), писать (ручкой в тетрадке и вилами на воде), считать (до трех – если нужно прыгнуть, до десяти – если нужно остановиться), петь (чтобы сказать), танцевать (чтобы промолчать), говорить (на одном языке), слушать (чтобы понимать), смотреть (чтобы не проглядеть).

А вообще-то просто хорошо учили – так, что даже если бы я очень сопротивлялась, меня бы все равно научили. Моих школьных знаний хватало практически до конца учебы в институте (а там меня, кстати, тоже очень хорошо учили, и тоже без возможности увернуться от знаний). В Москве есть несколько школ, выпускники которых считаются «интеллектуальной элитой». Смешно, но они и правда на несколько порядков адекватнее, образованнее, эффективнее в любом деле, светлее, сильнее и счастливее многих. И, честное слово, мне даже льстит, что среди моих друзей их большинство.

И что никто не верит, будто я не чья-нибудь из них одноклассница. При этом мы с ними далеко не сплошные отличники, не все мы хорошо учились. Но – нас всех хорошо учили.

Я очень счастливый человек, потому что меня научили решать задачи, отвечать за принятые решения и не бояться (что не хватит сил, что бука выпрыгнет из-за угла, что мне не скажут «спасибо», что смерть тоже случается в жизни).

А еще у меня любят учиться. Не потому что у меня такой специальный талант, а потому что меня несколько лет – в самом восприимчивом возрасте – учили с такой любовью, с таким вниманием и неравнодушием, что, кажется, я просто не смогу по-другому. Потому что по-другому – это предательство. В том числе – по отношению к моим учителям.

Да, кстати. Еще в гимназии меня научили смеяться над собой, так что вот сейчас, перечитывая этот текст, я смеюсь над этой возвышенной барышней, нагородившей столько высокопарных фраз.

Что, впрочем, не уменьшает моей благодарности Богу, моим учителям и родной школе.

Примечание. Выпуск 1998 года прославился, кроме всего прочего, тем, что на свой праздник Последнего звонка явился в глубоком трауре – по случаю окончания школы.

Екатерина Ордынская, выпуск 2012

В одном замечательном русском романе есть слова о том, что «нет ничего выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное из детства <...>. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь». Слова эти, принадлежащие герою Достоевского, Алеше Карамазову, кажутся, как нельзя лучше выражают чувства, которые наполняют меня при мысли о школе, о нашей школе. Время, проведенное в ее стенах, легло, как фундамент, в основу нашей жизни, и кажется, что бы ни случилось с нами даль-

ше, какой бы стороной реальность ни повернулась к нам, школа всегда будет тем вынесенным из детства воспоминанием, благодаря которому можно удержаться на плаву. Общее детство и набранные вместе воспоминания будут для нас, одноклассников, не только опорой, но и связующим звеном в будущем, неслучайно ведь разговор людей, встретившихся после долгого перерыва, изобилует словами: «А помнишь...» «Куда бы нас ни бросила судьбина», друг для друга, да и для школы, которая нас, надеюсь, не забудет, мы будем «все те же», такими, какими мы запомнили друг друга в эти ни с чем ни сравнимые годы. Школа – это люди: учителя, друзья, сотрудники, и едва ли их образы сотрутся и останутся в прошлом – они будут сопровождать нас и дальше. Школа не период в жизни, который прошел и забыл, школа – это место, куда возвращаешься все время, пусть даже только в мыслях, и где, приди ты туда ногами, тебя непременно встретят любящие люди.

Воспоминания других выпускников и полный текст юбилейного альбома читайте на сайте Свято-Петровской школы tgym.ru.

